

ВТОРОЙ ШАНС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС Д

18+

Любовь и драма

Алекс Д
Второй шанс

«Алекс Д.»

2009

Д А.

Второй шанс / А. Д — «Алекс Д.», 2009 — (Любовь и драма)

Предательство бывает разным. Измена не встает ни в какое сравнение с тем, что восемь лет назад сделал с Кристиной ее бывший муж. Долгие годы она боролась с последствиями физической и душевной травмы, сбежав из страны, оставив в прошлом страшные воспоминания. Ее единственными утешениями стали любимая работа и лучшая подруга-психолог. Но новая беда вынуждает героиню вернуться и взглянуть вновь в лицо своим страхам. Что принесет Кристине встреча с тем, кто однажды морально убил и растоптал ее? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

*Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
Убийца! – он вскричал, – за что погибнул я?"
Ты светишь", – отвечает.
А.А. Дельвиг.*

Москва. 1999 год.

– Вы понимаете, Дэниэл, что я обязан сообщить в правоохранительные органы о случившемся инциденте с вашей женой?

Дэниэл Норман отодвинулся от стены, чуть поддавшись вперед, и поднял на врача свой пустой равнодушный взгляд, в котором отчетливо читалось полнейшее безразличие. Он все еще находился под кайфом, голова гудела, мысли метались, словно в сумасшедшей гонке, сердце стучало так оглушительно, что слова врача, доносились до него сквозь плотный туман. Нет, ничего он не понимал. Его ломало так, что хоть самого под нож. К черту Кристину.

Во взгляде Игоря Журавлева, легендарного хирурга, отражалось такое презрение и отвращение, что Дэниэла это даже позабавило. Разве врачи не должны сдерживать свои эмоции. Сейчас этот измученный уставший после десятичасовой операции хирург, похоже, был готов наброситься на Дэниэла с кулаками. И, черт побери, был бы чертовски прав. Если бы Норман мог сам двинуть себе по морде, он бы это сделал, но, увы, что сделано, то сделано.

– Да, я понимаю, док, – кивнул Дэниэл, прищурился ледяные синие глаза с неестественно-широкими смоляными зрачками. – Она жива? – сухо спросил Дэниэл.

Игорь Журавлев долго смотрел на обдолбанного сынка одного из крупнейших инвесторов клиники. Через пару часов Дэниэла Нормана начнет ломать, и док с каким-то несвойственным ему злорадством ждал, когда настанет этот момент. Журавлев тщетно пытался найти в высокомерном бесчувственном молодом парне хоть какие-то эмоции, но видел только тупое равнодушие и желание поскорее убраться из больницы, куда угодно. Даже в тюрьму.

Хирург никак не мог осознать, постичь того, что случилось с девушкой, которую он оперировал почти десять часов, вытаскивая с того света. Глядя на ее мужа, он искал ответы, но не находил. Это было ново для Игоря Журавлева. За свой век он чего только не насмотрелся, но такое в его практике произошло впервые.

Если бы не положение, которое занимал его миллиардер отец – Джон Норман, Журавлев давно бы взял за грудки наглого подонка и вытряс из него душу. Но Игорь не мог этого сделать по множественным объективным причинам. Доктор с досадой думал, что, вероятнее всего, дело не дойдет до суда, если, вообще, будет открыто. С деньгами Норманов им удастся замять скандал и избежать судебного решения.

– Кристину пережила операцию. Она в реанимации, в крайне тяжелом состоянии. Прогнозы ставить пока рано.

– Понятно, – мрачно кивнул Дэниэл, стиснув челюсти и отводя взгляд в сторону. Даже такой бессовестный подонок, как он, не мог смотреть в осуждающие глаза врача.

Все пять часов, что Дэниэл провел в коридоре, перед операционной, прошли, как в бреду. И он до сих пор находился под кайфом, наркотик все еще циркулировал в крови. Отвернувшись к стене, он уперся в нее лбом, чтобы остудить голову. Разрозненные воспоминания недавних событий складывались в хаотичную незаконченную картинку. Приложив максимум усилий он вспомнил, как вошел в больничный холл, держа на руках завернутую в покрывало Кристину. Ее кровь капала прямо на блестящий мраморный пол. Потом началась суета. Норманов знали в лицо. Его отец основал эту больницу четыре года назад. Именно данный факт

сдерживал сейчас ведущего хирурга от самосуда над Дэниэлом. Как бы все не презирали Дэниэла, его отец – Джонатан Норман вызывал всеобщее уважение и поклонение, даже легкий страх. Благородный, сильный, уверенный в себе Джон, мудрый, богатый, щедрый, обеспокоенный всеми проблемами мира, и его сын – эгоистичный, проблемный прожигатель жизни. Какая нелепая карикатура на своего великого отца. Но он был бы другим, все могло сложиться иначе, если бы не жена Джона. Шлюха. Виктория, она во всем виновата.

«Что ж, теперь ты получишь по заслугам, дрянь. Я отнял у тебя самое дорогое, единственное, что еще трогало твое глупое порочное сердце. Где же ты? Почему не плачешь сейчас возле палаты своей драгоценной девочки.»

О, Дэниэл был уверен, что почтенной паре уже сообщили, что вытворил непутевый отпрыск Джона. Или вернуться из Нью-Йорка так быстро не получается? Дэниэл не был уверен, что они успели долететь до Нью-Йорка, когда их настигла "радостная весть". Он вспомнил ее счастливую глумливую улыбку, когда вчера она прощалась с ним и Кристиной. Ослепительная, усыпанная драгоценностями, окруженная всеобщим вниманием и любовью мужа. Да, этот свой день рождения она запомнит надолго. Тридцать шесть лет еще не возраст. Все страдания впереди, драгоценная Виктория. Но праздник удался. Дэниэл сам не понимал, зачем пошел на этот чертов прием. Дурочка Кристина заявила, что обязана поздравить свою мать. Так, что отчасти, она сама виновата.

– Игорь! – раздался крик, а затем стук каблучков по кафелю. Неужели!? А Дэниэл уже отчаялся дождаться. – Что с ней, Игорь? Она жива? Что случилось?

Дэниэл развернулся, чтобы успеть запечатлеть в памяти ее лицо, когда эта тварь узнает, что он сделал. Растрепанные светлые волосы, бледное лицо, глаза цвета разлившейся ртути, промокшие от слез и полные ужаса. Как долго он хотел увидеть холеную Викторю без своей лицемерной маски. Дэниэл ждал удовлетворения, злорадной радости, но ничего не чувствовал, совсем ничего. Мачеха игнорировала его присутствие, с мольбой глядя прямо в глаза доктора, который судорожно сжимал ее ладони, хорошо понимая отчаяние женщины, отчаяние матери. Дэн задержал взгляд на простых джинсах и голубом кашемировом свитере. Она всегда одевалась с безупречным вкусом, который наконец-то ей изменил. Сейчас она напоминала обезумевшую от страха девчонку, а не светскую красавицу. Дэниэл не ошибся, поставив на Кристину. Вика родила ее рано, в восемнадцать лет, но материнские чувства не были ей чужды. Она глубоко любила дочь, хотя редко демонстрировала свои чувства. Сухая расчетливая сука.

– Она жива, Виктория, – мягко сказал Игорь Журавлев, чуть склонив голову. – Но в очень тяжелом состоянии. Я не хочу давать вам ложных надежд. Прошу вас, пройдите в мой кабинет. Здесь говорить не стоит.

– Но я хочу видеть ее, – простонала Вика, до боли сжимая руку врача и с мольбой глядя в его глаза.

– Нельзя. Не сегодня, – твердо ответил Журавлев. – Кристина без сознания. Она в коме, Виктория, подключена к системе искусственного жизнеобеспечения.

– Что? – женщина закрыла рукой рот, чтобы сдержать вопль отчаяния. Наконец, ее побелевшие глаза остановились на Дэниэле, и гримаса лютой ненависти обезобразила ее совершенные черты лица. Ни один мускул не дернулся на лице парня, с холодной сдержанностью он встретил ее обвиняющий яростный взгляд.

– Это ты? Чудовище, что ты сделал? – закричала женщина, растеряв остатки сдержанности. Дэниэл презрительно ухмыльнулся. Доктору понадобилась вся его сила, чтобы удержать женщину, которая, как разъяренная тигрица, пыталась наброситься на Дэниэла. И она имела на это право!

– Что тут происходит? – раздался властный мужской голос. Дэниэл обернулся.

– Вот, и папочка пожаловал, – насмешливо пробормотал Дэниэл. Вся воля Джонатана сосредоточилась сейчас в его судорожно сжимающихся кулаках. Он не мог позволить себе

публичной сцены. Слишком много свидетелей. В любой ситуации нужно уметь хранить лицо и достоинство. Жаль, что его сын никогда этого не понимал, что в итоге привело к трагедии.

– Он убил ее, Джон. Этот подонок убил ее, – истерично вопила Виктория, все еще пытаясь дотянуться до Дэниэла.

– Нам лучше пройти в мой кабинет, – настойчиво повторил Игорь, посмотрев в лицо Джона Нормана, единственного, кто мог трезво оценить масштабы катастрофы.

– Держи себя в руках. На нас смотрят, – строго обратился он к жене. – Пойдемте, Игорь.

Взяв под локоть дрожащую от ярости женщину, он уверенно пошел за хирургом, не удостоив сына взглядом. Но Дэниэлу пришлось последовать за ними. Бежать глупо. Джон найдет его везде. Пациенты и персонал, собравшись в небольшую кучку, провожали их любопытными взглядами.

– Джон, пообещай, что убьешь его. Он не должен жить. Ты понимаешь? – рыдала Вика, позволяя мужу вести ее.

– Милая, мы должны сначала все выяснить, а потом принимать решения, – со стальным спокойствием, стоившим ему немало сил, произнес Джон, ласково коснувшись ее щеки. – Здесь работают лучшие врачи, она выкарабкается. Кристина сильная девочка. Я ее знаю. Она так просто не сдастся.

– Она в коме, Джон, – сквозь всхлип вырвалось у Виктории. Близость мужа и его уверенность немного успокоили молодую женщину. Джон был ее опорой и надежным тылом. И еще – он никогда не врал. Женщина готова была упасть перед ним на колени прямо сейчас и исповедаться во всех грехах. Лишь бы Джон повторил, что Кристина выживет. Лишь бы заставил ее поверить...

– Все будет хорошо, – пообещал Джон, но от внимательного женского взгляда не укрылось, как заиграли желваки на его скулах. Дэниэла, наблюдающего за семейной сценой, мутило от отвращения. Руки начали предательски дрожать, сердце неравномерно скакало, боль царапала легкие, выкручивала суставы. Стиснув зубы, он терпел. Он тоже кое-что умел прятать.

Оказавшись в кабинете Дэниэл остался стоять возле закрытой двери, опираясь на нее спиной. Журавлев занял позицию у стола. Виктория села в кресло, бессильно откинувшись и закрыв лицо ладонью. Джон, как мраморное изваяние, застыл возле подлокотника кресла. Рука его покоилась на плече жены. Итак, позиции расставлены, все герои трагедии заняли свои места, а теперь действие....

Но Игорь Журавлев не решался. Ему сложно было открыть правду этим людям, которые смотрели на него с надеждой и страхом. Журавлев бросил взгляд на Дэниэла. Красивое лицо было также бесстрастно. Словно все, что сейчас происходит, его не касается. Может, он солгал? А, если так, то зачем?

– Игорь, – настойчиво и нетерпеливо произнес Джон Норман, пронзительно посмотрев в глаза Журавлева. – Как есть. Правду.

– С чего начать? – утомленное лицо хирурга посерело. Тревожный взгляд остановился на Виктории. Выдержит ли любящая мать правду о кошмаре, который пришлось пережить ее дочери?

– Сутки назад, мы видели Кристину в добром здравии на вечеринке у нас дома, – взволнованно заговорил Джон. – Мы проводили ее и Дэниэла до машины, а сами поехали в аэропорт и вылетели в Нью-Йорк. Нам позвонили, когда мы получали багаж, и сразу взяли билеты обратно. Как я понял, операция только что закончилась. Главное, что сейчас меня интересует – как она прошла.

– Мы сделали все возможное. – Игорь прочистил горло. Дышать стало трудно. Он безумно устал. – Кристина потеряла много крови. Сейчас ее состояние можно охарактеризовать, как крайне тяжелое. Она в коме, о чем я уже сообщил Виктории. Однако мы все должны надеяться на благополучный исход.

– Нужны ли какие-либо средства, лекарства, аппаратура? Может быть, вызвать специалиста из-за границы? – напряженно спросил Джонатан Норман, отчаянно пытаясь сохранить внешнее спокойствие.

– Нет, Джон. Мы обеспечены всем необходимым. Все, что зависит от нас, будет сделано, – глухо произнес доктор. Глаза его светились сочувствием. Он знал, что Джон медлит с главным вопросом, потому что боится ответов. Виктория спросила за него, откинув с бледного лица волосы, она посмотрела прямо в глаза хирурга.

– Что произошло? Как Кристина оказалась в больнице? – голос Виктории прозвучал сдавленно, хрипло, но в нем были твердость и сила, несвойственные хрупкой женщине. Журавлев быстро взглянул через ее плечо, на застывшую фигуру Дэниэла. В его глазах начали пробиваться отблески сознания. По всей видимости, наркотическое опьянение сходило на нет.

– Джон, вам следует держать Викторию, чтобы она не натворила глупостей, – предостерег хирург Нормана-старшего, который судорожно втянув воздух, кивнул и крепче сжал плечо жены, пригвоздив ее к креслу. – Прежде чем обратиться в полицию, мне следует все вам рассказать, – выдохнул Журавлев.

– Прекрати тянуть, – взвизгнула Вика, перейдя на «ты». Здравый рассудок покидал ее.

– Я понимаю вашу боль. Мне тоже тяжело. Дэниэл принес в больницу истекающую кровью Кристину, завернутую в одеяло. По характеру повреждений и внешнему виду девушки, я предположил, что она была подвергнута жестоким побоям и изнасилованию.

– Господи! – воскликнула Вика, снова зажав рот рукой, рыдания вырвались из ее горла стоном раненого зверя.

– Не понимаю, – нахмурился Джон, его челюсть окаменела. Он боролся с желанием обернуться и посмотреть на сына. Мужчина все еще надеялся на разумное объяснение. Дэниэл – глупец, жестокий избалованный мальчишка, но зачем? Зачем ему избивать и насиловать собственную жену, которая с ума по нему сходила?

– Как могло изнасилование привести к таким последствиям? – сбивчиво спросил Джон. Доктор отвел глаза.

– Это не простое изнасилование. Внутренние ткани девушки повреждены. Мы собрали ее заново, но эти повреждения очень серьезны, разрывы связок, переломы запястий, ребер, потеря крови, болевой шок, тяжелейшее психологическое состояние. Не стану перегружать медицинскими определениями и терминами, которые еще больше напугают вас. Кристине понадобится очень длительный курс психологической помощи и реабилитации в будущем.

– Господи, за что? Джон, она же еще ребенок. Ей всего восемнадцать. Кто мог это сделать? – снова попыталась вскочить с места Виктория. Лицо Джона Нормана побледнело, губы сжались в полоску. Он удерживал жену, хотя сам был на грани взрыва.

– Почему у нее сломаны запястья? – надтреснутым голосом спросил Джон, дыхание со свистом вырвалось из груди.

– Смеею предположить, она сломала запястья сама, пытаясь освободиться. Джон, ее зверски избили и изнасиловали, я уверен, что сделал это не один человек. И я обязан сообщить властям о случившемся. Дело в том, что Кристину принес в больницу ваш сын. Я спросил у него, где это произошло и, кто это сделал.

– И что он ответил? – почти не дыша, хрипло спросил Джонатан Норман.

– Он сказал, что слишком много выпил. Но уверен, что Дэниэл употреблял не только алкоголь. В любом случае, вы сами спросите у него. Трагедия случилась не на улице и не в парке, а скорее всего, дома.

– Ах, ты сукин сын! – закричала Виктория. Ей все же удалось освободиться от хватки мужа. Вскочив с кресла, она рванула в сторону Дэниэла. Ничего не понимая от боли и застилающей глаза ненависти, Виктория бросилась на него, впиваясь когтями в застывшее лицо парня, пиная ногами, пытаясь разорвать, задушить, стереть с лица земли. Дэниэл не сопротивлялся.

Он все это заслужил и даже испытывал извращенное удовлетворение от происходящего. Доктор не сказал ни слова лжи. Парень продолжал стоять в той же позе, сжимая руки за спиной, и бесстрастно наблюдая, как отец оттаскивает свою расшвырянувшую жену. Журавлев среагировал моментально. И через несколько секунд в кабинете появилась медсестра со шприцом в руке. Джон держал Вику, пока ей вкалывали успокоительное. Обессилевшая Виктория безвольно повисла на муже, все еще теша себя тщетной надеждой, что все происходящее – просто кошмарный сон.

– Сейчас Виктория уснет. Медсестра проводит ее в палату. А нам нужно решить, что делать дальше, – произнес Журавлев. Джон согласно кивнул. Он как-то сразу постарел, лицо осунулось, посерело.

– Поклянись, что он заплатит, – прошептала Вика, заглядывая в глаза мужа.

– Он получит сполна, дорогая, – пообещал Джон потухшим голосом. Говорить не было сил. Засунув руки в карманы, он отрешенно смотрел, как медсестра уводит его жену.

– Что еще вы не сказали, Игорь? – повернувшись к доктору, безжизненно спросил Норман.

– Кристина была беременна, Джонатан. Я не мог сказать это при Виктории. Восемь недель, состояла на учете в нашей больнице. Думаю, она сопротивлялась так отчаянно, потому что боялась за жизнь ребенка. Кристина очень хотела родить. А теперь уже не сможет никогда.

– Что? – Дэниэл, наконец, вышел из состояния холодной отрешенности. В его глазах застыл вопрос, недоверие.

– Она не говорила вам, Дэниэл. Может быть, хотела сделать сюрприз.

Криво усмехнувшись, Дэниэл отвернулся. Он отлично знал, почему она молчала. Сюрприз, как же. Маленькая сучка хотела сбежать от него. Неделю назад он нашел припрятанные деньги и билеты.

– Тебе есть, что сказать? – с трудом выговаривая слова, обратился Джон к своему сыну. Дэниэл поднял голову, и посмотрел в убийственно-ледяные глаза отца. Он не увидел осуждения, злости, ярости, только презрение и отвращение. – Ты это сделал?

– Что ты имеешь в виду? – сухо спросил Норман-младший. Из царапин, нанесенных Викторией, сочилась кровь, но он не чувствовал боли. Он ничего не чувствовал, кроме пустоты и желания покинуть больницу. Ему опостылел этот фарс. – Если ребенка, то да. Я его сделал. А насчет остального. Все действительно произошло в нашем доме, Игорь проявил невероятную догадливость, – иронично заметил Дэниэл. Лицо парня исказила свирепая гримаса. Его начало ломать. Агрессия росла в геометрической прогрессии. – Что еще ты хочешь знать, папа? Как? Мы приехали с вашего праздника, и решили продолжить дома. Я решил. И именно я пригласил друзей. Насколько я помню, ты никогда не одобрял мое окружение. Ну, мы выпили, кое-что приняли и нас занесло. Я не принимал участия, но и не остановил их. Все начиналось, как злая шутка, но закончилось весьма плачевно для одной маленькой идиотки. Я отключился в какой-то момент, а когда пришел в себя, понял, что мои друзья малость переборщили. Меня привезла сюда одна из проституток, которые видели достаточно, чтобы дать показания на суде. Они много интересного смогут рассказать. Слишком часто эти особы бывали в нашем доме. Как в отсутствии моей жены, так и при ней. Они с радостью поведают судье, как я избивал Кристину, как издевался над ней, как она молчала и никому не жаловалась. Ты такой правды хочешь, отец? А? Пусть меня судят. Я готов. Но готов ли ты?

От яростного пренебрежения в глазах Дэниэла, Джон чуть не задохнулся. Он замахнулся, но не ударил сына, опустив руку.

– Не смей меня называть отцом, – свирепо прошипел он, отшатнувшись в сторону.

– Отлично, но это не освобождает тебя от ответственности. Не отводи глаза, посмотри на меня. Ты вырастил меня, ты воспитал. Так задай себе вопрос, почему я такой? И кто в этом

виноват? Или ты не видишь никого, кроме своей шлюхи. Ну же, вызывайте ментов. Чего вы ждете?

– Значит, ты этого хочешь? – выпрямившись, Джон сумел совладать с собой и посмотрел на Дэниэла, как на никчемное насекомое. – Тебе мало того, что ты сотворил с бедной девочкой. Ты хочешь публичного унижения. Кого ты наказал, Дэниэл, кроме самого себя? Ты думаешь, что в тюрьме ты сможешь забыть о том, что сделал? И все для того, чтобы причинить боль мне и Вике? Зачем?

– Просто так, – усмехнулся Дэниэл. – Приятно помучить двух таких благородных идеальных до омерзения людей. Только ты многое забыл, отец. Моя мать умерла не от рака, а от того, что потеряла надежду, когда ты спутался со смазливой русской шлюхой. И не надо врать, что начал трахать ее уже после нашего переезда в Россию. Мама знала, что ты ей изменяешь и поэтому опустила руки. Эта тварь отняла у меня всё. И теперь я сделал с ней тоже самое.

– Ты отнял все, не у Виктории, Дэн, а у себя самого. Это свою жизнь ты только что угробил собственными руками. Я всегда знал, за что ты ненавидишь Вику. И не стану ни в чем оправдываться. Ты понятия не имеешь, что я пережил за время болезни Мод. И не тебе судить. Я уверен, что Алисия никогда не винила меня ни в чем. Я делал невозможно, чтобы она жила. А насчет Виктории. Я не планировал жениться на ней. Я никогда не был глупцом, чтобы поверить, что молодая красивая женщина может бескорыстно полюбить потрепанного жизнью старика. Но ей удалось меня убедить. И хочу тебя разочаровать, Дэн. Я в курсе о вашей короткой интрижке, случившейся пару лет назад. И я еще помню, что такое страсть, и то, как трудно противостоять ей. Но страсть проходит. Вика сама мне рассказала. Ей было очень стыдно, и она не сразу поняла, что ты пытаешься через нее отомстить мне. Ты ведь уже похоронил меня. И только и ждал, когда завладеешь моей компанией и деньгами. Тебе всегда было мало. А принять, что доля наследства достанется Вике и ее дочери, оказалось выше твоих сил. Я устроил вашу свадьбу, чтобы умерить твой эгоизм, я надеялся, что ты успокоишься, поняв, что никто ничего у тебя не отнимет, и деньги останутся в семье. Если бы я знал... Не Виктория твой враг, Дэниэл. И не я. А ты сам. – Джон сделал паузу, чтобы прочистить горло. – Скажи, за что ты наказал Кристину?

– Она ее дочь. И согласись, ты не зря устроил обучение за границей, ты готовил Кристину, хотел отдать ей все, – ледяным тоном произнес Дэниэл. В глазах его полыхали искры гнева.

– Какой же ты дурак. Я люблю Кристину, как дочь. И заставил тебя на ней жениться, только потому что ты уложил ее в постель, когда ей едва исполнилось семнадцать. Наивная, неискушенная девочка была легкой добычей, не так ли?

– Не так уж она и наивна. Кристина просто дура. Другая ушла бы.

– Но она не другая, и она любила тебя.

– Я не просил никого любить меня, – сквозь зубы прошипел Дэниэл.

Дэниэл долго смотрел в глаза отца. Он сделал все, чтобы заставить его ненавидеть себя, окончательно разорвать все связи. Дэниэл жаждал облегчения, но его чувства были далеки от освобождения. Месть не принесла радости. И, черт, он вовсе не собирался заходить так далеко. Если бы не наркота, которую принесли его приятели, ничего бы не произошло. Он просто потерял голову. События завертелись, как страшный сон. Дурман владел им и сейчас. Дэниэл не понимал, что говорит и делает. Реальность еще была далека, расплывчатая и туманная. И он не хотел трезветь и возвращаться.

Игорь Журавлев, молчаливо наблюдающий за разговором отца и сына, неловко кашлянул, привлекая к себе внимание. Джон повернулся к доктору и уверенно посмотрел в глаза.

– Игорь, вы не станете никому сообщать об обстоятельствах трагедии. И забудете обо всем, что видели и слышали сегодня, – безапелляционно произнес Джон Норман.

– Но... – с сомнением начал Журавлев, в глазах его мелькнуло разочарование.

– Это все, Игорь. Достаточно с нашей семьи позора. Лучшим наказанием для Дэниэлом станет то, чего он боится больше всего.

Джон снова посмотрел в исполосованное царапками лицо сына.

– У тебя больше нет отца, нет денег. Выживи, если сможешь.

Брови Дэниэла вопросительно взметнулись. Он ожидал совсем другого исхода. Он хотел резонансного скандала, прилюдной экзекуции, публичного полоскания имени Норманов во всех газетах страны. Полнейшее равнодушие било сильнее, чем упреки и удары. И это все?

– Выживу, – пообещал Дэниэл, разворачиваясь. Покидая кабинет главврача, он ни разу не обернулся.

Его шаги были уверенными, хотя все существо бунтовало. Голова раскалывалась от давящей боли и хаотично скачущих мыслей. Куда идти? Что делать? Дэниэл стремительно шел по коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды медперсонала и пациентов. Какое ему дело до всех этих людишек? Он никогда не был озабочен тем, что подумают или скажут о нем.

Дэниэл задержался только перед стеклянными дверями реанимации. Там, подключенная к аппарату, облепленная трубками, лежала его жена. Болезненный спазм сжал его желудок, горло обожгло незнакомым чувством.

Дэн помнил ее ребенком, а она только что потеряла своего, нерождённого. Их ребёнка. В голове не укладывалось, он не мог принять такую истину. Он запрограммировал себя на ненависть ко всему, что связано с Викторией. Кристина была ее дочерью. Черт, не была, а есть. Она все еще есть. Все еще здесь. Черные волосы рассыпаны по подушке, вместо лица кровавая маска. Перед глазами возникло внезапное воспоминание. Истекающее кровью, покрытое синяками, сломанное тело на растерзанной кровати, тяжелое дыхание и прикованные железными браслетами руки, хриплый шепот разрывал воспаленный слух:

– Я умираю, Дэниэл. Вызови врача. Пожалуйста, вызови...

Вот и все, что она сказала. Ни слез, ни упреков, только мольба. Он думал, что Крис молила за себя и ошибся. Крис ни жила для себя ни одной минуты своей жизни.

Прижавшись лбом к стеклянным дверям, Дэниэл закрыл глаза, прогоняя жестокое виденье. Он хотел уйти, но не нашел в себе сил даже пошевелиться. Подняв глаза, он снова посмотрел на бесчувственную неподвижную девушку. И совсем другое воспоминание пронзило мозг.

– Я люблю тебя, Дэниэл, – сияющие голубые глаза смотрели на него со слепой доверчивостью. Солнце обжигало глаза. Июльское утро, бассейн, он сидел в шезлонге, она у него на коленях, и ее черные, как смоль, волосы ласкал ветер.

Боже, как давно это было. Но нет. Всего год. Все-таки ему удалось сломить ее веру в него. Не стоило бороться с ним. Малышка Крис проиграла бы в любом случае. Она всегда верила, что за своей жестокостью он прячет боль. И ее уничтожило именно то, что она оказалась слишком близка к истине.

– Живи, – прошептал он одними губами, и резко пошел прочь.

Глава 1

*"Я живу в карточном домике,
доме из песка, воздушном замке,
и провожу минуты, ожидая
падения стен, удара молнии..."*

Хорхе Каррера Андраде.

Москва. 2007 год.

Кристина отвела взгляд от иллюминатора. Через двадцать минут самолет пойдет на посадку. Зябко поевшись, молодая женщина посмотрела на подругу. Лиза спокойно дремала в своем кресле. Кристина отдала бы все, чтобы одолжить хотя бы капельку ее невозмутимости. Тяжело вздохнув, она снова посмотрела на снежные облака, плывущие внизу. Грудную клетку сдавило и предательский комок застрял в горле. Кристина боялась не справиться с эмоциями и расплакаться, чего не делала очень давно.

Она возвращается домой....

Еще вчера Крис рассмеялась бы в лицо любому, кто сказал, что через несколько часов она сядет в самолет, который вернет ее в Россию. В Москву. Туда, откуда она бежала восемь лет назад, и поклялась никогда не возвращаться.

Если бы можно было не дышать одним воздухом с бывшим мужем, но при этом не умереть.

Она поменяла, страну, гражданство, изменилась сама. Ничего не осталось от прежней Кристины Норман. Норман. Она с отвращением сморщилась, произнося про себя эту фамилию. После развода, она вернула девичью фамилию. Кристина Монахова. Ничто не связывает ее с прошлым. И все же она возвращается, чтобы отдать последний долг. Чтобы похоронить свою мать и отчима.

В прошлом месяце Виктория приезжала в Лондон на очередную выставку своей дочери. Она выглядела счастливой, уверенной, довольной жизнью, но Кристина всегда ощущала на себе этот ее особый взгляд, в котором читались чувство вины и сожаление. Как бы ни старалась девушка изображать радушие и беспечность, мать никогда не забывала, что произошло. Ее глаза пытались отыскать за маской равнодушия и сдержанности остатки боли. Подобные взгляды Кристина бросала на Дэниэла, когда-то давно.

Боль была.... Нет, она не придумала ее. Интуиция никогда не обманывает женщин. Только Кристине никогда не забыть до чего довела ее глупая попытка что-то исправить.

– Прекрати вздыхать, – подала голос Лиза, открывая один глаз. – Ничего страшного не происходит. Тебе давно нужно было вернуться. Чтобы справиться со своими страхами, необходимо набраться смелости и взглянуть им в глаза.

– У меня нет страхов, Лиз, – прошептала Кристина, нервно теребя рукав свитера и болезненно ощущая, как каждая секунда приближает ее к Москве, к аду, из которого ей удалось вырваться. – Я, вообще, ничего не боюсь.

– Да, – хмыкнула Лиза, открывая оба глаза. – Ты же понимаешь, что должна была полететь?

– Да, – кивнула Кристина, напряженно глядя на подругу. В глазах ее мелькнула боль. – Она была такой молодой, такой красивой. Не могу поверить, что их больше нет. Какая-то нелепая авария и мгновенная гибель двух человек. Господи, я не видела Джона восемь лет, а теперь еду на его похороны. Просто в голове не укладывается. – тяжело вздохнула она.

– Ты же понимаешь, почему он не приезжал с Викторией в Лондон?

– Да, мы говорили об этом с мамой. Неужели он не понимал, что я ни в чем его не виню?

– Понимал, но Дэниэл его сын и Джон ощущал ответственность за случившееся.

Кристина вздрогнула и поморщилась, услышав имя бывшего мужа. Лиза пронизательно посмотрела на нее.

– Милая, ты должна быть готова к тому, что тебе придется увидеть его снова. Умер его отец. Он будет на похоронах.

– Я знаю, – слишком громко воскликнула Кристина. – Но, я не в силах понять, как мог Джон его простить.

– Может быть, он изменился, – пожалала плечами Лиза. – Столько лет прошло, время меняет людей. К тому же они не чужие люди. Ты же простила Викторию за то, что она скрыла свою связь с Дэниэлем.

– Тебе обязательно так часто произносить его имя, – раздраженно отозвалась Крис.

– Что, опять тошнит? – тревожно спросила подруга.

– Нет, но мне нехорошо. Ты могла бы выписать мне свои чудодейственные таблетки? Только на время, что придется провести в Москве, – поспешно уточнила Монахова, понимая, как негативно относится Лиз к ее увлеченности успокоительными препаратами.

Елизавета сдвинула тонкие брови, в глазах отразилось сомнение. Проведя длинными тонкими пальцами по коротко стриженным светлым волосам, она окинула пронизательным взглядом бледное лицо подруги.

– Не думаю, что это хорошая идея. Уже три года ты справляешься без лекарств. Я рядом, и если нужна будет помощь, то я....

– Лиз, я знаю, что ты поможешь мне, но я хочу чувствовать себя уверенной. Я боюсь поставить себя в неудобное положение, если приступы вернутся.

– Ну, что ж, если тебя стошнит на его ботинки, то поделим ему, – усмехнулась Лиза.

– Мне не смешно.

– Просто пытайся сконцентрироваться на чем-то другом, я учила тебя, как абстрагироваться от раздражающего объекта.

– Надеюсь, что у меня получится, – мрачно пробормотала Кристина. Может, Лиз и права. Прошло столько лет. Пора перестать прятать голову в песок. – А что ты чувствуешь?

– В смысле? – не поняла Лиза.

– Ты не была в России еще дольше, чем я, – пояснила Крис.

– Да, я уехала из Москвы сразу после окончания университета. Пятнадцать лет назад. И ты знаешь, я не возвращалась не из-за страха перед прошлым, а потому что возвращаться некуда. Меня ничто больше не связывает с этим городом. Отец давно в могиле, квартиру я продала. В Лондоне все моя жизнь. Мой дом, карьера, и ты.

– А если я решу остаться в Москве? – предположила Кристина. Лиза прищурилась, оценивающе разглядывая подругу.

– Не думаю, что ты решишься, а, если так, то я бы очень гордилась тобой, и, конечно же, тоже осталась, – тихо, но уверенно произнесла Елизавета Озерова, не сводя прямого взгляда с лица Кристины.

– Я знала, что ты так ответишь, – мягко улыбнулась Монахова, протягивая руку и сжимая пальцы Лизы. – Я люблю тебя.

– Я тоже, милая. Никто больше не обидит тебя, обещаю.

– Я верю тебе. Только тебе во всем этом чертовом мире, – прошептала Кристина.

В глазах Озеровой сверкнули слезы. Для тридцатисемилетней женщины она была чувствительна, словно девочка. Невысокая, стройная, всегда в брюках и без макияжа, с неровным ежиком на голове, не признающая каблуков, помады и юбок, именно она производила впечатление непробиваемой сильной, холодной женщины, скупой на эмоции. Но молодая подруга, являющаяся полной противоположностью Елизавете, знала, как легко вызвать слезы на ее глазах. Но это нисколько не умаляло силы духа Елизаветы и уверенности в себе. Она просто была естественна. Умела плакать и смеяться именно тогда, когда того просила душа. Кристина же

не позволяла себе такой роскоши, как эмоции. Слишком больной была душа девушки, чтобы показать ее хоть кому-то. Но с Лизой притворяться было бесполезно. Она знала все тайны подруги, мысли, страхи, сомнения, всю ее боль. Восемь лет назад, на краю пропасти, Кристина встретила странную энергичную и мудрую маленькую женщину, которая вытащила ее с того света, не обещая ничего и ничего не прося взамен. Два одиноких сердца познакомились в не лучшие минуты жизни обеих, и вместе сумели преодолеть одиночество, от которого страдали.

– Расскажи мне о Мэдисон Норман. – попросила Лиза, откидываясь в кресло, не отпуская руку Кристины. Монахова последовала ее примеру.

– Я видела ее лишь однажды. Пару лет назад. Мама привозила Мэдисон с собой. Она намного моложе Джонатана, поздний ребенок. Не знаю, зачем она покинула Штаты. Мама говорила, что в Вашингтоне у ее мужа имелся свой успешный бизнес.

– Может, в бизнесе мужа не все гладко, и она вспомнила о богатом брате.

– Возможно, – не стала спорить Крис. – Мама разделяла твое мнение.

– А почему Джон уехал из Америки?

– Его жена очень долго страдала от онкологии. Она умерла, когда сыну было восемнадцать. Сразу после похорон Джон собрал все вещи, продал дом, бизнес и уехал в Россию. Наверное, решил, что именно в нашей дикой стране лучше всего забыться, – Кристина повернула голову и пронизательно посмотрела в голубые глаза подруги. – Пытаешься заговорить меня? Я в порядке, Лиз.

– Нет, мне и, правда, интересно. В конце концов, Виктория и Джон были частью твоей жизни, а мы с тобой почти о них не говорили.

– Да. Я не хотела касаться прошлого. Да, и какая разница, что привело Джона в Москву? Главное, что он нашел мою маму и сделал ее счастливой. Ей несладко пришлось в этой жизни. Хотя Дэниэл был верен, что мама и Джон были знакомы до его переезда из Штатов, что именно моя мать стала причиной выбора страны проживания.

– Ты как считаешь? – приподняв одну бровь, иронично спросила Озерова.

– Я не знаю. Так ни разу и не решилась спросить. – отрешенно качнула головой Кристина.

– Почему? Ты имела на это полное право. Виктория итак скрывала от тебя слишком многое. Ты так и не знаешь, кто был твоим отцом, – напомнила Лиза.

– Боюсь, что мама и сама не знала. Она была красивой девочкой. И ей не повезло родиться в деревне. А там всегда не до нравов. Залетела, родила, и в двадцать лет упорхнула в Москву на поиски счастья и легкого заработка, а меня оставила на попечении бабушки. Ты можешь говорить, что угодно, но я не виню ее. Ей нечего было делать в деревне, среди доярок и пьяных мужиков. А то, что она бросила меня... Так она никогда не скрывала, что бабуля настояла, чтобы оставить меня. В двадцать семь мама познакомилась с Джоном, вышла замуж и получила все, о чем мечтала. Муж был старше ее на семнадцать лет, но он был богат, неглуп, и неплохо сохранился для своего возраста.

– И к тому же у него был молодой красивый сын...

– Прекрати...

– Тебя это все еще задевает?

– Нет. Мама умерла, я не хочу, чтобы ты плохо говорила о ней.

– Она бросила тебя. Скажи, что она делала семь лет в Москве до встречи с Джоном? Часто ли она вспоминала о тебе?

– Она была манекенщицей, моделью, снималась в рекламе. Она высылала деньги и приезжала на новогодние праздники. Когда ее личная жизнь наладилась, мама забрала меня.

– Тебе было двенадцать. Слишком большая девочка, чтобы знакомиться со своей матерью.

– Ты не понимаешь. Я всегда ее знала. Мама любила меня. По-своему, но любила.

– Но она не сказала, что спит с твоим мужем, – Лиз была жестока и понимала это, но она хотела, чтобы Кристина не испытывала иллюзий, а воспринимала реальность такой, как есть.

– Тогда она уже не спала с ним, – глухим безжизненным голосом ответила Кристина. Она закрывала глаза на озвученный факт очень долго. Крис не хотела не в чем обвинять свою мать, но, если бы она предупредила, если бы сказала до Господи, многое стало бы ясно уже тогда. Целый год Кристина билась о глухую и слепую стену отчуждения, выстроенную собственным мужем, пытаясь понять, выявить причины его ненависти и презрения. Крис не хотела просто отпустить Дэниэла, не могла уйти. Дура, она считала, что сможет спасти его от жесткости и злобы, которыми он окружил их брак. Дэн уничтожил Крис за то, что она оказалась дочерью женщины, которую он ненавидел. Он ломал ее, методично и уверенно. Та роковая ночь оказалась последней точкой, умирать Кристина начала гораздо раньше. Дэниэл убивал ее медленно. День за днем. Это был ад, самый настоящий ад. Ни один нормальный человек не сохранил бы разум, пережив то, что она, ни один, не вернулся бы туда, где все началось.

– Мне интересно посмотреть на Дэниэла, – задумчиво произнесла Лиза. Кристина удивленно вскинула брови, неприятно ошарашенная ее словами.

– Тебе любопытно посмотреть на человека, которое сотворил со мной такое? – недоверчиво спросила она.

– Прежде всего, я психолог по образованию. Это профессиональный интерес. Восемь лет я пытаюсь воскресить в тебе любовь к жизни и смягчить боль. Ты всегда была сильной. И когда мы встретились в первый раз, я рассмотрела твою волю, стойкость, желание сражаться и побеждать. Тебя сложно сломать. Но он сделал это. Так умело, что я уже столько лет пытаюсь исправить то, что натворил этот парень и теряюсь в догадках, насколько аморальным и бесчувственным человеком нужно быть, чтобы вырвать душу из сильной цельной личности. Я хочу понять, кто он? Маньяк, самоубийца, или просто псих.

– Дэниэл Норман – чудовище, Лиз, – глухо ответила ей Кристина. – Ты можешь хоть целый день смотреть на него, но ничего не поймешь. Он хорошо маскируется под обыкновенного человека. На людях, в обществе, на работе, Дэниэл – абсолютно адекватен, сдержан, даже приятен в общении.

– Он – красив?

– Я не понимаю, почему мы так долго говорим о нем. Я думала, что мы навсегда закрыли тему Дэниэла Нормана.

– И все же?

– Увидишь. – Вздохнула Кристина.

– Сколько ему сейчас?

– Лиза!

– Вопрос простой. Не понимаю, почему ты так бурно реагируешь. Что будет, если ты столкнешься с ним лицом к лицу. Отвернешься, убежишь? Забьешься в истерике?

– Ему тридцать два.

– Взрослый мальчик. Может, он больше

– Лиза, – потеряв терпение, Кристина накрыла ладонью губы подруги, заставляя ее замолчать.

– Милая. Я очень верю, что ты заботишься о моем благополучии, но прошу, нет, умоляю, давай забудем о Дэниэле до тех пор, пока нам не придется вспомнить о его существовании.

– Последний вопрос, и я больше не назову его имени, – убирая руку Кристины, попросила Лиза. Кристина удрученно вздохнула, передернув плечами.

– Тебе было бы легче, если бы он получил срок и понес наказание?

Какое-то время Монахова смотрела на подругу задумчивым тяжелым взглядом.

– Нет. Я бы не пережила суд, – честно ответила она.

– Ты не поняла. Хорошо, скажу прозрачнее. Ты бы хотела, чтобы он умер?

– Ого! – выдохнула Кристина удивленно. – Что-то не улавливаю связи между смертью и тюремным заключением.

– А, чтобы ты выбрала?

– Я не хочу, чтобы он дышал со мной одним воздухом, но... Я бы смогла бы его убить, наверное. Не уверена. В любом случае, сейчас моя ярость утихла. Я ненавижу его, мое презрение безгранично, но смерть для Дэниэла Нормана – слишком легкое наказание.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – сухо произнесла Озерова, отворачиваясь.

Кристина хотела что-то добавить, но ее прервал голос пилота, объявляющий о подготовке к снижению. Сердце рванулось, затихло, потом забилось невероятно быстро. «Ну, вот я и дома,» – подумала Кристина, пристегивая ремень.

Через час молодые женщины, волоча за собой объемные чемоданы, вышли из здания аэропорта, и остановили первое попавшееся такси, которое заломило баснословную цену.

– М-да, – пробубнила Лиза, усаживаясь на заднее сиденье. – Лучше бы ты воспользовалась предложением Мэдисон. Она бы довезла нас бесплатно.

– Лиз. Ты вроде не скряга, – скупно улыбнулась Кристина, пытаясь скрыть нервное напряжение. Они молчали всю дорогу. Кристина смотрела в окно, жадно рассматривая изменения, произошедшие с городом. Тут и там появились новые торговые центры, парки, дома. Казалось улицы стали шире, чище, ярче. Машин и людей еще больше, чем она запомнила. Вечерний город утопал в неоновых огнях и ярких рекламных вывесках. Одна часть красивой пестрой толпы спешила домой с работы, а другая – в поисках развлечений сновала от клуба к клубу.

В какой-то момент Кристине захотелось выйти, смешаться с толпой, погрузиться в этот балаган, шум, вдохнуть запах задымленного города. Как бы ни заставляла она забыть себя о Москве, душа ее встрепенулась, словно очнувшись от долгой спячки. Лондон сильно отличался. Там легко играть свою роль, там просто быть холодной. Сдержанный, окутанный туманами и смогом Лондон так и не стал ее домом. С болью в сердце Кристина понимала, что теперь ей будет куда сложнее уехать. Она прилетела, чтобы похоронить своих близких людей, и даже представить не могла, как ошеломит ее Москва. А она-то надеялась, что поездка навсегда разорвет связь с родиной, что, похоронив мать, она вычеркнет тяжелые воспоминания, и с легким сердцем вернется к своим картинам в Лондон.

Через несколько секунд появился коттеджный поселок. Преодолев пропускной пункт, такси остановилось перед до боли знакомым домом. Высокое трехэтажное здание, с колоннами и огромными окнами не претерпело никаких изменений. Невозможно описать, трепет охвативший Кристину в этот момент. Она крепко сжала руку Лизы, ища у нее поддержки.

– Вот это да, – только и смогла выдохнуть Озерова, во все глаза глядя на дом, окруженный высоким белокаменным забором. – Если ты решишь тут остаться, то я за ... руками и ногами.

– Не говори чепухи, – отмахнулась Кристина, вытаскивая свой чемодан из багажника. Расплатившись с таксистом, Кристина отпустила его. Остановившись перед воротами, девушка посмотрела на темные окна, пытаясь унять внезапную дрожь в коленях.

– Ну, что стоишь? Звони, – подтолкнула ее Лиза к воротам. Кристина нервно взглянула на подругу, подняла воротник пальто, несмело нажала на звонок. Камера над забором задвигалась, пытаясь сфокусироваться на них. Короткий щелчок ознаменовал, что последний рубеж взят. Они вошли.

Зимний сад выглядел таким же красивым, каким запомнила его Кристина. Покрытые инеем голубые ели загадочно сверкали, дорожка, ведущая к дому, вычищена до самых плит. На крыльце с резными перилами девушки увидели женщину в норковой шубе.

– Кто это? – шепотом спросила Лиза, пока они медленно приближались к ожидающей их фигуре.

– Не знаю. Может, Мэдисон решила лично поприветствовать меня, – пожала плечами Крис.

Но незнакомкой оказалась вовсе не сестра покойного Джонатана. Женщина скупно, но вежливо улыбнулась подошедшим девушкам.

– Здравствуйте, я Татьяна. Я домработница. Примите мои соболезнования, Кристина. И добро пожаловать домой.

Кристина едва сдержала удивленное восклицание. Неужели все московские домработницы выглядят так претенциозно. Она смутно помнила старую домработницу, но точно знала, что норковых шуб та не носила.

– Спасибо, – сдержанно кивнула Монахова. Татьяна распахнула перед ними дверь в ярко освещенный холл. Внутри дом выглядел так же, как и восемь лет назад. Вика ничего не изменила.

– Татьяна, это Лиза, моя подруга. Она будет жить с нами. – Спohватившись, представила Кристина Озерову, оборачиваясь к ступающей за ними по пятам женщине.

– Вам накрыть ужин в гостиной прямо сейчас? – вежливо поинтересовалась Татьяна.

– Лучше проводите нас в комнаты, – попросила Монахова. Все, что ей было сейчас необходимо, это горячая ванна и рюмка коньяка.

Оказавшись в просторной бледно-голубой спальне, в которой провела пять долгих лет своего детства и юности, Кристина обессилено опустилась на кровать. Лучше бы ей выделили другую комнату. Эта хранит слишком много воспоминаний. Ее взгляд упал на зеркало, накрытое черной тканью. Изменилось главное. Никогда больше в этом доме не прозвучат шаги ее матери. Закрыв глаза, Кристина сдержала приступ боли, прежде чем он успел пронзить сердце. Ей так много хотелось узнать, но было слишком поздно, чтобы задавать вопросы.

Приняв горячую ванну, и облачившись в извлеченный из сумки халат, Кристина отправилась в комнату Лизы. Озерова в точно таком же халате стояла у окна.

– Летом тут, наверное, просто рай, – завороченно пробормотала она, глядя на пустой бассейн под навесом. – Я и представить не могла, что ты так богата.

– Не я, а Джон. Мне ничего не нужно от этой семьи.

– Но мы скоро узнаем, что он оставил тебе. Так ведь? – повернувшись, Лиза посмотрела на Кристину.

– Для меня это не важно. Я приехала, чтобы похоронить их, проводить в последний путь и попрощаться.

– Ты как? Очень тяжело? —обеспокоенно спросила Лиза, заметив изможденный вид подруги.

– Думала, что будет хуже. Но я чувствую только неловкость. Это дом Джона. Не знаю, должна ли я быть тут. По закону он должен отойти сыну.

– Закон имеет силу, если нет завещания, но оно есть. Так?

– Да, Мэдисон что-то говорила. И все же мне не по себе.

– Но ведь Дэниэл не живет здесь. Ты заслужила свое право находиться здесь. Я больше чем уверена, что именно тебе достанется этот дом. И я бы на твоём месте приняла его и осталась. Черт, это же мечта.

– Тебе нравится? – спросила Кристина, мягко улыбаясь подруге. Лиза нежно коснулась ее щеки.

– Мне ты нравишься, когда вот так улыбаешься. Это подороже, чем прекрасный дом.

Глава 2

С самого утра без звонка и предупреждения заявила Мэдисон со своим мужем.

Кристина проснулась от настойчивого стука в дверь.

– Лиза, вы не знаете, где я могу найти Кристину, – почти кричала Татьяна. Лиза никак не отреагировала на вмешательство, продолжая забавно посапывать во сне. Толкнув подругу в бок, Кристина встала с кровати и, накинув халат, вышла в коридор.

– Не шуми, Татьяна. Я здесь. Можешь перенести мои вещи в эту комнату. Нам с Лизой не нужны разные спальни. Вполне хватит одной. – сдержанно улыбнувшись, Кристина наблюдала, как медленно краска покидает лицо домработницы.

– Хорошо, – взяв себя в руки, кивнула Татьяна.

– Что ты хотела? – сухо спросила Крис.

– Мэдисон приехала. Она в гостиной с мужем.

– Напомни, пожалуйста, как зовут ее мужа, – попросила Монахова.

– Роберт Хьюстон.

– Спасибо.

Вернувшись в свою спальню, Крис быстро привела себя в порядок, наспех облачилась в строгую серую блузку и черные брюки-дудочки и спустилась в гостиную. Заметив Кристину, Мэдисон вскочила с дивана. На ее красивом лице застыла маска неестественного страдания. Наверное, черный цвет ее платья намекал на траур, но намек был очень легким. Короткая длина подола и смелое декольте демонстрировали неплохо сохранившееся тело сорокалетней Мэд. Волосы женщины были распущены по плечам сверкающими волнистыми локонами, лицо безупречно накрашено, в синих глазах сочувствие и фальшивые слезы.

– Девочка моя, какое горе! – с чудовищным акцентом, воскликнула Мэдисон, хватая Кристину за руки. Девушка не на шутку испугалась. Пальцы Мэдисон были ледяными, Кристине показалось, что ее держит не женщина, а красивая хищная паучиха. Она ни на грамм не верила, что эта женщина искренне сочувствует ей.

– Это было ужасно. Я была дома, когда мне позвонили из больницы. Твоя бедная мать скончалась на месте, а Джон через пару часов в реанимации. Огромное горе для всех нас. Как хорошо, что ты так быстро приехала. Они бы это оценили. Боже, я, наверно, все слезы выплакала. Представляю, что ты чувствуешь, милая. У тебя же никого не осталось!

– Да, вы правы, – сухо ответила Кристина, осторожно освобождаясь. Повернув голову, она посмотрела на Роберта, мужа "паучихи". Немолодой подтянутый мужчина с грустными карими глазами не вызывал у нее такой неприязни, как его жена. Ему даже не нужно было говорить, чтобы она поняла – он скорбит искренне в отличие от тараторящей Мэд.

– Это мой муж, Кристина. Роберт Хьюстон, – спохватившись, женщина представила супруга.

– Примите мои соболезнования, – мягко произнес Роберт, пожимая руку Кристины, а она невольно задумалась, почему Мэдисон не взяла фамилию мужа, оставшись Норман даже после брака.

– Спасибо, – Монахова тепло улыбнулась мужчине, и повернулась к Мэдисон.

– Я бы хотела сама заняться организацией похорон, – тоном, не терпящим возражений, заявила Кристина. Мэдисон обомлела, искусно накрашенный рот некрасиво искривился.

– Кристина, это не обязательно, – пыталась возразить Мэдисон. – Дэниэл позаботится обо всем. Почти все уже готово.

Кристина холодно смотрела на сестру отчима. Она понимала, что так намекает на тот факт, что Кристина не является единственной родственницей погибшей семейной пары.

– Где будет проходить отпевание? – прочистив горло, спросила Монахова.

– В соборе, как положено, – ответила Мэдисон. – Мне удалось выбить места на Новодевичьем кладбище.

– Хорошо. Какие планы насчет поминок?

– Я заказала ресторан.

– Нужно отменить. Мы устроим поминки в доме. Гостиная сможет вместить всех, кто пожелает прийти.

Мэдисон нервно заморгала, сжав руки на груди и изумленно глядя на Кристину, но почему-то спорить не стала.

– Делай, как знаешь, – вздохнула женщина, повернувшись к мужу. – Ты, что думаешь?

– Я согласен с Кристиной. Дома лучше. Здесь все напоминает о них. Джон был бы рад.

– Стоит обсудить это с Дэном, – решительно встряла Мэд.

– Обойдемся без него, – сухо отрезала Кристина. Мэдисон прищурилась, посмотрела на нее. И девушка невольно задалась вопросом, как много знает эта женщина о разводе между ней и Дэниэлом и его причинах.

– Мы не можем обойтись без него, Кристина, – с напускной доброжелательностью произнесла Мэдисон. – Дэниэл – единственный сын и наследник Джона.

– Я помню об этом.

– Нет, ты помнишь только о том, что сделал Дэниэл, – заявила Мэдисон. А вот и ответ. Сука знает достаточно. Кто ей рассказал?

– Мэди, – оборвал жену Роберт.

– Еще увидимся, Мэдисон, – Кристина резко развернулась и пошла к лестнице.

– Нет, Роберт, ты видел, как вела себя эта ведьма? Маленькая сучка. – свирепствовала Мэдисон, по дороге домой. Роберт равнодушно молчал и следил за дорогой. – Явилась спустя столько лет и взялась командовать. А как она смотрела на меня?словно я какая-то приживалка, а не единственная сестра Джона Нормана. Ну, ничего мы еще посмотрим, как она запоет, когда Дэниэл выставит ее из этого дома.

– Остановись ты, пожалуйста. Имей уважение. Вика погибла, твой брат тоже. А о мертвых или хорошо, или никак. А Кристина не сказала и не сделала ничего обидного. Девушка приехала попрощаться с родителями. Она имеет право.

– Ничего она не имеет. Я знаю, зачем она явилась. Все дело в завещании.

– Не смейся.

– Она не была здесь ни разу за восемь лет.

– Мэдисон, ты же знаешь, что обстоятельства вынудили Кристину приехать. Иначе бы ее здесь не было.

– Эти обстоятельства называются жажда денег.

– Я не думаю, что она бедна.

– Ха, как ты думаешь, много ли зарабатывают художники?

– Хорошие художники очень даже обеспечены.

– Господи, Роберт, ты наивен, как ребенок. Эта девушка не так проста, как кажется. Я не хочу, чтобы она оставалась в Москве.

– Ее присутствие ничем тебе не угрожает. Оставь девушку в покое. Она и так много пережила.

Мэдисон наотрез отказывалась слушать мужа. Ее мысли хаотично металась.

– Через сорок дней состоится оглашение завещания. Присутствовать обязаны все. Так сказал адвокат. Так хотел Джон. Сорок дней она будет жить в нашем доме.

– Мэдисон, дом не наш.

– Дэниэлу он не нужен. Мы возьмем его, – уверенно заявила Мэд.

– Если он не уступит его Кристине. – Вздохнув, сказал Роберт.

- С чего это он должен ей что-то оставлять?
- Разве Дэниэл не задолжал ей после всего, что сделал?
- Мы не знаем всей правды, Роб. Возможно, она заслужила то, что получила.
- А ты жестока, Мэдди, – осуждающе покачал головой Роберт.
- Да, – не стала спорить его жена. – Я просто не люблю делиться. Дэниэл унаследует издательский дом, но, возможно, модельное агентство достанется нам. Ты думаешь, что Джон мог бы совершить глупость и оставить что-то этой дворняжке?
- Да, дорогая. Это было бы в его стиле. В любом случае, я уверен, что Дэниэл поступит благородно.
- Да? – расхохоталась Мэдисон. – Он уже поступил один раз так благородно, что его малолетняя женоушка чуть не отправилась на тот свет.
- Пора исправлять ошибки, – произнес Роберт.
- Видно, ты плохо знаешь моего племянника. Он абсолютно беспринципен.
- Вика совершила глупость, рассказав тебе.
- Она была дурой. И шлюхой. Но Джон все равно любил ее.

Глава 3

Откинувшись на спинку дивана, Дэниэл Норман крутил в руке бокал с разбавленным виски, безучастно рассматривая его содержимое. Лицо его хранило мрачное бесстрастное выражение, поза была расслабленной, и только напряженные руки выдавали внутреннюю борьбу. Мэдисон, его тетя, расположившись в кресле напротив, наблюдала за ним немигающим взглядом, пытаясь рассмотреть хоть что-то за ледяной маской племянника. Если смерть отца и ранила его, то он тщательно скрывал это.

Иногда Мэд казалось, что она хорошо знает племянника, понимает его, но порой он ставил ее в тупик. Вот и сейчас она не знала, как начать разговор, и что сказать. Ее пугала его возможная реакция. Дэн был нужен ей, нужна его благосклонность. Без него она не получит ничего. Это зависимость удручала женщину, но не уменьшала привязанности к племяннику.

Мэдисон никогда не любила брата, считая его слишком слабым и наивным для мужчины, хоть и, несомненно, удачливым, но Дэниэл вызывал в ней сложные чувства. Он был ей близок, словно отражение в зеркале, словно часть ее души, которая перетекла в него при рождении. Она помнила его ребенком, своевольным, дерзким, избалованным. Его дикие выходки вызывали у нее восторг. Не было в Дэниэле ничего, что напоминало бы Джона. Только черные волосы, и крепкое мускулистое тело.

– Тебе нужно было поехать со мной, – уверенно начала Мэдисон, глядя на него поверх своего бокала. Дэниэл не удостоил ее взглядом. Крепко сжатые челюсти выдавали упрямство.

– Только ты смог бы поставить ее на место, – продолжила женщина, пристально наблюдая за его лицом. – Дэниэл, она говорила со мной, словно я пустое место. Она ведет себя в доме твоего отца, словно хозяйка. Ты же не позволишь ей остаться там до оглашения завещания? – мягко, но осторожно спросила она.

– Почему нет? – пожав плечами, небрежно бросил Дэниэл, сделав большой глоток виски.

– Но это твой дом! – возмущенно воскликнула Мэдисон, недоуменно глядя на него.

– У нее такое же право быть в этом доме, как и у меня. – Напомнил Дэниэл, взглянув, наконец, на тетю. Взгляд его был тяжелым.

– Ты забыл, какой была ее мать? – вскинув брови, жестко спросила Мэдисон.

– Все это потеряло значение. Ни отца, ни Виктории больше нет. Вместе с ними умерли и их грехи. Им легче.

– О чем ты? Почему им легче?

– Забудь, – небрежно тряхнул головой Дэниэл. Он неожиданно пристально впился в Мэдисон взглядом, словно хотел спросить о чем-то, но не мог. Ей было не трудно догадаться.

– Она тебя ненавидит. Это очевидно. Только тебе ее презрение, все равно, что лай болонки. Раздражает, но не причиняет особых помех. – Мэдисон усмехнулась. – Не думаю, что она может представлять какую-то угрозу.

– Обиженная женщина способна на все, – задумчиво произнес Дэниэл, снова уставившись на свой бокал. – Но ты права, она не способна причинить серьезные неудобства. Я до сих пор не верю, что Кристина жива.

– Ты не хочешь рассказать, что случилось?

– Нет. – резко ответил Дэн.

– Ты винишь себя?

Дэниэл с грохотом поставил свой бокал на столик. Его испепеляющий взгляд остановился на побледневшем лице тетки.

– Никогда не спрашивай меня о Кристине, не пытайся что-то выведать, умерь свое любопытство. Скажу только одно, у нее есть масса причин для ненависти. Я похоронил ее восемь лет назад, я не видел с той ночи в больнице, где бросил умирать.

– Ты так говоришь, словно испытываешь чувство вины, — растерялась Мэд, удивленно разглядывая племянника.

– А что я, по-твоему, не человек? – Дэниэл поднялся на ноги, и, взяв бокал, прошел к бару, чтобы плеснуть себе еще виски.

– Я не хочу спорить, Дэнни. – глухо произнесла Мэдисон, немного смущенная его поведением. Нужно быть осторожнее с Дэниэлом. Если у него действительно есть совесть, то это сильно усложнит их отношения. – Прощание пройдет завтра, в доме. Кристина решила взять все на себя. Она даже слушать меня не стала.

– Не уверен, что заниматься похоронами нелюбимого брата и еще более нелюбимой невестки было жизненно важным для тебя делом. – Спокойно произнес Дэниэл, поворачиваясь. – Мне обязательно ехать? Может, хватит моего появления на кладбище?

– Тебя что-то смущает? – прищурился глазами, поинтересовалась Мэдисон. Дэниэл приподнял одну бровь, встретив ее подозрительный взгляд.

– Я похож на смущенного? Просто я привык считать ее мертвой. А встретить призрака на похоронах отца – это как-то не очень приятно. – он скривился, словно вкус отпитого виски показался ему горьким. – Думаю, что Кристина разделяет мои чувства. Мы не должны были встретиться снова.

– Но выбора нет, – глубокомысленно изрекла Мэдисон. – Если ты не появишься в доме отца утром, это вызовет новый всплеск кривотолков. Как восемь лет назад, когда пресса почти год пережевывала госпитализацию твоей бывшей жены, ваш развод и ее побег из страны. Тебе ведь не нужен очередной скандал?

– Мне плевать на мнение общества и прессы, моих коллег. – отрезал Дэниэл холодным тоном. – Я начал с нуля, когда Джон отвернулся от меня. Я создал бизнес сам, без чьей-либо помощи. Я добился успеха, вопреки ожиданиям отца, так что меня не испугать очередной гнусной сплетней. Но ты права, я обязан пойти. Я должен исполнить последний долг. Джон нашел в себе силы простить мне все, что я натворил, и я не имею права отказать ему в послед.... Мэдди, ты смотришь на меня, словно я сошел с ума.

– Ты любил его, да? – спросила она удивленно.

– А что тебя так удивляет? Он был моим отцом. И не сделал мне ничего плохого. Это я все время подводил его.

– Его жену ты тоже любил. – Дерзко усмехнулась женщина. Глаза Дэниэла потемнели.

– Не говори того, о чем не имеешь малейшего представления. Я ненавижу эту женщину. Я не скорблю по Виктории Норман. Много лет я винил ее в том, что она сделала меня чудовищем, но, как оказалось, я сам сделал себя таковым. Это моя сущность.

– Но именно это в тебе и притягивает. Ты сильный, Дэниэл. Ты жесткий, беспринципный, такой, каким и должен быть успешный человек. В наше время быть размазней опасно.

– Ты единственный человек на земле, который одобряет меня, – Холодно улыбнулся Норман.

– Нет. Не зря столько людей ищут знакомства с тобой. А теперь с издательством отца и модельным агентством ты подомнешь под себя еще и шоу-бизнес.

– Ты невероятная, – скептически улыбнулся Дэниэл. – Я никогда не хотел издавать глянцевого журнала для избалованных блондинок и жлобов, и тем более возиться с капризными авторами бестселлеров. У меня для такой профессии слишком мало терпения и такта. Торговать машинами у меня гораздо лучше получается.

– Кстати о машинах. Ты обещал мне "Инфинити". Забыл?

– Нет. Я помню. Просто сейчас не время думать о подарках.

– О, да. Извини, – поспешно закивала Мэд.

Дэниэл посмотрел на нее. Нет. Виноватой себя эта женщина не чувствовала. Тяжело смотреть на свое отражение в женском облике. Неужели он так же омерзителен? В его окру-

жениии немало людей, которые не без основания ответят утвердительно. И завтра ему придется встретиться с одним из таких людей.

С одной. И посмотреть в глаза. Он пытался заставить себя чувствовать равнодушие, но безуспешно. Призраки прошлого всегда возвращаются, когда их меньше всего ждешь.

– Лучше бы она умерла, – озвучила его мысли Мэдисон. Но какой-то необъяснимый порыв заставил его не согласиться с тетей.

– Нет. Я никогда не желал ей смерти, – произнес он ровным голосом, осознав, что говорит правду.

Глава 4

Крис впервые видела такой огромный похоронный зал, хотя ей не так часто доводилось присутствовать на похоронах. Ритуальное агентство подобрало помещение, учитывая количество желающих прийти попрощаться с четой Норманов. Вцепившись в руку подруги Кристина, рассматривала прибывающих людей. Они подходили к гробам в молчаливом почтении, склонив голову и скорбно шепча какие-то слова. Потом они останавливали свой взгляд на Кристине. Мало, кто из всех этих людей знал ее в лицо. Но напряженная фигура в черном траурном платье, спрятавшаяся за темными очками от любопытных сочувствующих взглядов, не оставляла сомнений, что перед собравшимися дочь Виктории Норман, падчерица Джона Нормана. Рядом с ней стояла невысокая блондинка тоже в черном, а с другой стороны – блистательная, даже в своем трауре, Мэдисон, и ее невзрачный муж.

Кристина принимала соболезнования сухо, без эмоций, ни одна слезинка не скатилась по ее бледным щекам, в то время как Мэдисон горестно причитая, обливалась фальшивыми слезами, изображала убитую горем сестру. Кристина с трудом сдерживала тошнотворное чувство, все ее существо переворачивалось от вероломного поведения Мэдисон. Хотелось придушить ее своими руками.

Толпа все увеличивалась, напряжение читалось на лицах людей, и оно казалось глубже, чем скорбь об усопших. Монахова подсознательно понимала, чего ждут люди. Здесь не хватало главного участника. Сына и наследника. И хоть его отсутствие радовало Кристину, она не могла не признать, что в глазах пришедших выразить свое соболезнование его отсутствие вызвало волну недоумения.

Когда Мэдисон очередной раз начала причитать, и воспевать таланты своего безвременно ушедшего горячо любимого брата, Кристина не выдержала. Вырвавшись из рук бережно обнимающей ее Лизы, она убежала в туалет. Несколько мучительных мгновений ее выворачивало наизнанку. Склонившись над унитазом, она едва дышала. Все ее тело содрогалось от презрения, ненависти, боли и бесконечных рвотных позывов. Она не думала, что будет так тяжело.

Она услышала, как дверь открылась и тихие шаги, остановившиеся за ее спиной.

– Кристина, – позвала Лиза, мягко дотронувшись до ее плеча. – Ты как?

– Плохо, – отозвалась девушка. Тошнота потихоньку отпускала. Лиза помогла ей подняться на ноги, умыться и привести себя в надлежащий вид.

– Возьми. Это поможет, – Озерова протянула ей две белые таблетки. Кристина взяла их, благодарно сжав ладонь Лизы.

– Спасибо, Лиз.

– Не благодари меня. Я думала, что мы обойдемся без лекарств. Я думала, что ты сможешь.

– Я бы справилась, – Кристина с сомнением разглядывала таблетки. – Я могу их не пить.

– Выпей. Ты должна казаться сильной, если не можешь быть таковой. Он приехал, Кристина. Я пришла, чтобы предупредить.

– О, черт, – простонала Монахова, пряча лицо в ладонях. Таблетки были сладкими на вкус, но горечь перебивала все. Она знала, что это неизбежно, она готовилась, но надежда, слабая надежда, что бывший муж не придет на похороны все же теплилась в ее душе. Теперь она понимала тщетность своих надежд. Кафельный пол поплыл. Качнувшись, она прислонилась спиной к раковине, выжидая, когда дыхание выровняется, мышцы расслабятся, а окружающее ее пространство перестанет кружиться с такой скоростью. Таблетки всегда помогали ей восстановиться. Но Лиза говорила, что искусственное душевное равновесие фальшиво, оно не поможет ей справиться со страхами и болью, а только ослабит иммунитет. Но разве против боли есть иммунитет?

- Успокоилась? – минуту спустя спросила Лиза. Кристина кивнула, надевая очки.
- Вот и умница, – нежно улыбнулась Озерова. – Нам нужно вернуться. Понимаешь?
- Да, – голос молодой женщины звучал отстраненно и глухо.
- Люди там, – Лиза указала на дверь. – Только и ждут скандала. Но это похороны твоих близких людей. Ты не позволишь превратить их в балаган. Да?
- Да, – снова кивнула Кристина.
- Тебе нужно поздороваться с ним, как ни в чем не бывало. Пусть все видят, что вы цивилизованные люди.
- Да, ты права.

Дэниэл, молча, выслушивал бесконечные слова соболезнования от друзей и коллег отца. Джон Норман был богат, влиятелен, и среди собравшихся оказалось немало завистников, иначе и не могло быть. Несмотря на всю свою порядочность, даже отец не мог избежать человеческой нечистоплотности. Но сегодня пришли и те, кто по-настоящему уважал и любил его отца. И все они сейчас искали страдание на отчужденном сдержанном лице его сына. А Дэниэл не мог оторвать взгляд от гробов.

Итак, это все. Все, что осталось от его отца и Виктории. Изувеченные останки и дорогие ящики. Как неумолима судьба. Один миг может оборвать самую сильную жизнь, вычеркнуть из числа живых. Дэниэл очень давно не хоронил близких. Последней была мать. А теперь отец. Так внезапно... Дэниэл не ожидал, что ему будет так тяжело и больно. Часть его все еще не верила, что отец мертв. О Виктории он не думал, его сердца не хватало и на нее тоже.

Дэниэл почувствовал присутствие Крис, даже не глядя на нее. Ощутил мощный поток ненависти, направленный на него. Ничего другого он и не ожидал. Прошло какое-то время, прежде чем Дэниэл сумел заставить взглянуть, наконец, в глаза призрака. Окинув глазами гостиную, он не нашел ее. Неужели почудилось?

– Дэниэл, – незнакомый, холодный, словно дыхание мертвеца, голос заставил его вздрогнуть. Он повернулся, чуть не подпрыгнув от неожиданности, но быстро взял себя в руки, не забывая, что за ним сейчас наблюдая десятки глаз. Она стояла позади него, вот почему он не нашел ее. Мгновения хватило, чтобы захватить взглядом весь ее облик. Сказать, что перед ним стоит совершенно незнакомая женщина, все равно, что не сказать ничего. Ошарашенный невероятной ошеломляющей переменой, он пытался пробиться под темные стекла, желая убедиться, что эта женщина – не самозванка. Люди не могут так меняться.

– Кристина? – недоверчиво выдохнул он, пристально глядя на нее. Женщина вздернула подбородок, губы ее были плотно сжаты, и он чувствовал исходящее от нее ледяное презрение. Наверное, нужно что-то сказать или хотя бы пожать руку в знак приветствия, но угадав его намерения, она шархнула в сторону, словно испуганная лань. И этого тоже стоило ожидать, но внутри него что-то болезненно натянулось.

– Мне жаль, Крис, – выдавил Дэниэл, не осознавая, о чем именно он жалеет больше. Женщина едва заметно кивнула.

– Да, мне тоже, Дэниэл, – ответила сухо.

Он опустил взгляд на ее туфли, думая о том, что раньше его имя в ее устах звучало совсем иначе.

Удовлетворенные спектаклем люди снова продолжили поток своих душеспитательных слов сочувствия. Дэниэлу пришлось отвлечься от незнакомки в черном длинном платье, напряженной, как струна, но готовой драться до конца. Ему хотелось что-то сказать, разглядеть ее, как следует, чтобы удостовериться, чтобы понять, кто перед ним... Какого черта? Зачем ему это? Сцепив челюсти, он пошел к выходу. Воздух стал слишком спертый от такого количества народа.

Мэдисон догнала его. Они вместе стояли на крыльце и курили.

– Ты отлично держишься, – удовлетворенно произнесла она, выпуская колечко дыма. – Сейчас поедem в собор, потом на кладбище. Еще как-то надо пережить поминки в доме Джона. Мечтаю, чтобы этот день поскорее кончился.

– Я тоже. – Согласился Дэниэл.

– Ты видел, какие ужасные у нее волосы?

– Что? – не понял Дэниэл, повернувшись.

– Я про Кристину. Эти светлые пряди в волосах выглядят, как седина.

– Она изменилась. Я не узнал ее, – сдержанно ответил Норман.

– Еще бы, восемь лет прошло. Она выглядит гораздо старше своего возраста.

Дэниэл ничего не ответил. Взгляд его блуждал по верхушкам елей. К воротам ритуального центра подъехали три микроавтобуса.

– Вряд все поместятся, – равнодушно бросил он, и, бросив окурок в снег, пошел к своей машине.

Во время отпевания, Кристина, пряча руки в широких рукавах пальто, с трудом сдерживала подкатывающие к горлу рыдания. Слишком много переживаний для одного дня. И все же она почти выдержала. Осталось немного.

– Эй, ты жива? – дотронувшись до ее плеча, спросила Лиза. Кристина вздрогнула, посмотрев на нее.

– Вроде, – слабо улыбнулась Кристина, отстраняясь от монотонных молитв священника.

– Ты молодец.

Да, я молодец, – согласилась про себя Монахова, бросив взгляд на бывшего мужа, первый раз после их короткого приветствия. Ее все еще мутило. Господи, если бы она позволила ему взять ее руку, то ее непременно бы вырвало у всех на глазах. И никакие лекарства не помогли. В этот момент она ненавидела свое подсознание, реагирующее на стресс таким отвратительным образом.

Сейчас нервные приступы вызвали у нее только досаду и раздражения, а много лет назад чуть не убили. Она не могла, есть, спать, разговаривать. Малейшее движение вызвало рвоту или обморок от смертельной слабости истощенного организма. Само осознание своего существования вызывало у нее тошноту. Никто не мог помочь ей, ни один психолог, ни один врач. Она умирала. Пищу вводили через капельницы, менструальный цикл остановился, а о состоянии психики не стоило даже говорить. Если бы не Лиз, то Кристина умерла бы в психушке. Она выхаживала ее, словно, маленького ребенка с заботой и неумолимой уверенностью в успехе, при том, что не она являлась ее лечащим врачом. Лиз была ее единственным равнодушным другом, с первой минуты их знакомства и до сих пор.

Мучительный и затяжной период возвращения Кристины в реальный мир дался ценой огромных моральных сил. И все же Лиз вытащила ее, именно Лиз, но излечить до конца так и не смогла. Слишком глубоки были раны, нанесенные душе девушки. Ни любовь, ни забота не сумели заглушить боль и отвращение.

Приступы тошноты со временем стали реже, она даже научилась сдерживать их. С бессонницей и отсутствием аппетита подруги боролись до сих пор. Кристина почувствовала жжение в ладонях. Безумно захотелось помыть руки. Еще один пунктик. Болезненная отчаянная чистоплотность. Она принимала душ не менее трех раз в день, а руки мыла чуть ли не каждые полчаса, если имелась такая возможность. Но отмыться никак не могла. Испачкана была ее душа, растоптана и осквернена.

Почувствовав ее взгляд, Дэниэл повернулся. Кристина встала поодаль от всех, у дверей. Высокая, худая и нелепая в слишком широком пальто, с грубым пучком стянутых на затылке волос, в огромных очках. Впалые скулы, бледные губы. Он вдруг подумал, что, несмотря на жалкий вид, она держится с достоинством и уверенностью. Откуда в ней взялась эта стойкость?

Дэниэл ожидал увидеть испуганную, растерянную, залитую слезами девочку, но не ледяную женщину, взирающую на него с презрением и вызовом. Он чувствовал, что теперь она смогла бы стать достойным соперником. Только делить им больше нечего, но Крис об этом еще не догадывается.

Кристина отвернулась и что-то сказала своей немного чужаковатой подруге. Такая же странная, как и сама Кристина. Короткие волосы, вызывающая уверенность. Дэну не нравился изучающий пристальный взгляд незнакомой блондинки. Он привык к тому, что на него глядят, но то, что излучали глаза женщины, имело совсем другое значение. Дэниэлю не хотелось, чтобы она смотрела на него. Ему казалось, он был уверен, что женщина знает правду. Однако взгляд ее не выражал осуждения, только пристальное изучающее выражение, словно она пыталась сканировать его мозг, рассмотреть под микроскопом. Неприятное ощущение.

После отпевания процессия отправилась на кладбище. Там разыгралась настоящая драма. Мэдисон рыдала так оглушительно, что вороны с окружающих деревьев рванули в небо. Было сказано немало добрых слов в адрес Джона. О Виктории никто не вспоминал. Когда пришла очередь бросать горстку земли на гроб отца, Дэниэл замешкался. Замерев на краю могилы, и сжимая холодные комья земли, он пытался сдержать боль потери, рвавшую сердце. Если он сейчас сделает это, то подтвердит неумолимую истину. Джон Норман умер.

Вытянув руку, Дэниэл разжал ладонь, закрыв глаза. Заскрежетали зубы, удары сердца соединились с ударами земли о крышку гроба. Краем сознания он услышал причитания Мэдисон, непрошено ворвавшиеся в его мозг. Ее лицемерие в такой момент показалось кощунственным даже ему. Он обернулся, чтобы остановить ее, но это сделала за него Кристина. Грубо схватив Мэдисон за локоть, она резко развернула ее к себе.

– Немедленно прекрати, – зашипела она на Мэд. – Или я ударю тебя.

– Что? – охнула женщина, опешив от такой наглости. На побелевшем лице выступили красные пятна. – Как ты смеешь!

– Заткнись, или я за себя не отвечаю, – испепеляя ее яростным взглядом, предупредила Кристина. Дэниэл недоуменно смотрел на бывшую жену. Она сняла очки. Но не стала собой. Он не знал ее. Кристина Норман умерла в той палате, в которой он бросил ее восемь лет назад. К его великому удивлению Мэдисон послушалась и затихла. Неужели его непоколебимая уравновешенная тетка испугалась худенькой хрупкой женщины? Кристина подняла глаза, и он со свистом втянул воздух. Ее глаза были цвета серебра, светлые, выбеленные гневом, почти нечеловеческой яростью. Тут было чего испугаться. Даже ему было не по себе от жуткого бесцветного взгляда. Подняв воротник пальто, девушка уверенными смелыми шагами подошла к могилам и по очереди повторила процедуру, которую только что проделал он. Дэниэл не мог оторвать взгляда от ее острого профиля. На мгновение лицо ее расслабилось, губы печально дрогнули и что-то беззвучно произнесли. Прижав руки к груди, она неотрывно смотрела на могилы близким им людей. Дэниэл осознавал, что стоит рядом с ней, но она, похоже, ничего вокруг не замечала. Что-то шевельнулось в его душе. Она так же одинока... Боль стала неотъемлемой частью ее жизни. Он был виноват перед ней, но исправить ничего не мог.

Она очнулась неожиданно. Плечи ее выпрямились и напрягались. Она повернулась. И снова взгляды их встретились.

– Мне жаль, что ты потерял отца, – произнесла она ровным тоном и пошла прочь.

Дэниэл ошеломленно смотрел ей вслед. Тугой узел, образовавшийся в груди, рожденный ее словами, мешал дышать. Он отказывался понимать ее. Только что она гипнотизировала его исполненным ненависти взглядом, и вдруг искреннее сочувствие. Он не ожидал. И это рассердило его.

Поминки вытянули из него остатки самообладания. Собравшиеся говорили много хорошего об его отце, но Дэниэл не слушал. Он не из тех, кто говорит. Он переживал свою утрату молча. Так же, как и Кристина. Он заметил, что во время поминок она не произнесла ни слова.

Ее подруга все время маячила рядом, словно сторожевой пес, охраняющий свою хозяйку от любой опасности. Но теперь Кристина могла сама за себя постоять. В этом Дэниэл убедился на кладбище. Мэдисон и теперь старалась держаться от нее подальше и больше не причитала.

Дэниэл не осознавал, как часто смотрит на бывшую жену. Он просто не мог оторвать взгляда от этой новой незнакомой женщины. Норман думал, что будет жалеть ее, испытывать муки совести, неловкость от того, что им все же пришлось встретиться, но ничего подобного он не испытал. Невольное уважение, даже восхищение удивило его самого. Он не подозревал, что способен на такие чувства. Его взгляд скользил по бледному лицу, с большими холодными светло-серыми глазами, которые когда-то казались такими глубокими, яркими, живыми, в которых жила надежда, детская искренность и любовь. Дэниэл убил в ней все это. Он – не Бог, не Дьявол, но создал свое творение, опустошенное и черствое, признающее существование, но не жизнь. Такое же, как он сам.

А ведь все могло быть иначе. Если бы он усмирил свою гордыню, слепую ярость, упрямое равнодушие, если бы принял от жизни то, что она давала ему. Жесткое чудовище владело его душой. Дэниэл презирал себя, больше, чем она думала. Никогда он не забудет, что сделал с ней, с их общим не рожденным ребенком, чего лишил ее и себя. Сердце его замерло, он перестал дышать, когда, подняв голову, Крис встретила его взгляд. Глаза девушки потемнели, словно она поняла, что за мысли сейчас блуждают в его голове. На долю секунды ему показалось, что глубокая боль, которую Кристина носила в себе, мелькнула в усталом взгляде. Опустошение, разлившиеся по ее лицу, отрезвило Дэниэла. Он не имел права даже смотреть на нее, не имел права думать о ней.

Кристина никогда не простит его, потому что он сам так и не смог простить себя, а просто закрыл свою душу от любых чувств, от воспоминаний. Прошлое должно быть там, где ему место. Просто день такой. Слишком много призраков витает за этим столом, и они невольно заставляют вспоминать.

Люди начали расходиться ближе к вечеру. Дэниэл стоически выдержал соболезнования последнего гостя, облегченно закрывая за ним дверь. В гостиной остались трое. Дэниэл, Кристина и ее подруга Лиза. Он сам не понимал, почему не ушел полчаса назад вместе с Мэдисон и Робертом. Было бы так просто сбежать. Следующая встреча состоялась бы только на оглашении завещания.

Они стояли в разных концах гостиной, но даже такое внушительное расстояние не спасало Кристину от раздражающего влияния его присутствия. Все нервы сжались в комок. Лиза без слов читала ее мысли. Ее ободряющий взгляд успокаивал. Кристина ждала, что он скажет что-то на прощание и уйдет, дав ей, наконец, спрятаться в свой неуязвимый кокон.

Ее бесило его нахождение в этом доме. В этом мире.

Она ненавидела его.

Но это чувство было совсем другим, не как вначале. Вместе с ним она ощущала невероятную усталость. Ее ненависть ничего не изменит, не исправит и не накажет его. Убить его у нее не хватит сил, а иначе Дэниэл Норман не сможет заплатить за то, что сотворил с ее жизнью. Оставалось только терпеть свое бессилие....

Она ждала. Дэниэл не уходил. Облокотившись на дверь, он смотрел на нее немигающим, спокойным взглядом. Сдержанное холодное лицо не выражало никаких чувств. Почему он медлит? Зачем мучает ее? Она не могла смотреть на него так долго. Весь ужас прошлого обрушился на нее. Никогда она не научится, не думать о том, что он сделал, глядя в его синие льдистые глаза. В Лондоне ей почти удавалось забыть. Почти. Но теперь все страхи, вся боль с новой силой ожили в ее сердце от одного только взгляда на это жесткое красивое лицо. Неужели она когда-то любила его? Теперь это было трудно даже представить. Только слепая дуручка могла так сглупить.

Несколько минут они просто изучали друг друга через комнату.

– Я пойду, – неожиданно прервала тишину Лиза. Кристина бросила на нее испуганный взгляд. «Нет, Лиза нет», – кричали ее глаза. Не бросай меня. Но Озерова неумолимо посмотрела на нее. – Так нужно. – тихо сказала она. – Вам нужно поговорить.

– Зачем? – недоумевала Кристина. Лиза передернула плечами, вперив тяжелый взгляд на Дэниэла Нормана.

– Обидишь ее. Убью, – будничным тоном произнесла она. И Дэниэл понял, что она не лукавит. Развернувшись, Лиза пошла к лестнице.

– Не понимаю, о чем нам говорить, – Кристина высказала вслух его мысли. Дэниэл склонил голову в знак согласия. Он снова окинул ее взглядом. Напряженная струна, приготовившаяся к прыжку львица, опустошенная и усталая, взрослая, чужая. Что он может сказать ей?

– Мне жаль, – пробормотал он. – Действительно жа...

– Я это уже слышала. – Холодно оборвала его Кристина, вцепившись в рукава платья. – Твой отец был чудесным человеком.

– Да, но я не об отце сейчас, – осторожно сказал Дэниэл. Она не отвела взгляда, и в нем не промелькнуло ничего, чтобы выдало ее истинные чувства.

– Я знаю, – вздернув подбородок, сказала она. – Не поздновато ли для сожалений?

– Нет. Не думаю, – сбивчиво ответил он, чувствуя себя крайне нелепо. Что, черт побери, он пытается сказать? Дурак, беги, пока не поздно.

– Ты, вообще, редко думаешь. – нервно усмехнулась Кристина, подходя к дивану, отодвинутому к стене, и села на него.

– Крис, послушай....

– Нет! – яростно воскликнула она. Глаза ее метали молнии. – Я не Крис тебе. И я не буду слушать. Не хочу. Чтобы ты не сказал, мне совершенно не нужно.

– Ненавидишь меня? – спокойно спросил он.

– А ты как думаешь? Дэниэл, давай прекратим ломать комедию. Нам обоим известно, что ты за человек. Если бы я могла бы пережить судебное разбирательство, я бы посадила и тебя и твоих дружков. Но ты, как всегда, вышел сухим из воды. Если бы я могла вернуться и убить тебя, то сделала бы это, не колеблясь. В отличие от тебя, я обладаю моральными устоями. И я верю в Бога. Верила. Убийство не сделало бы меня счастливее, а ты бы все равно ничего не понял. Мы оба не хотели этой встречи. И, как цивилизованные люди, будем притворяться, что относимся друг к другу сносно. Я не стану биться в истериках и нападать на тебя, если нам придется еще раз столкнуться. Я смогу заставить себя общаться с тобой на людях, но сейчас нет смысла играть роли.

Высказавшись, Кристина умолкла. Дэниэл смотрел на нее какое-то время, не зная, что ответить. Нужно бы принять то, что она предлагает.

– Кристина, я был под кайфом. Я не осознавал, что происходит, – выдохнул он. Конечно, это не оправдывало его, но он должен был сказать.

– Я знаю, – кивнула она, глядя прямо ему в глаза. – Но до До того, как все произошло, целый год, ты не был под кайфом, Дэниэл. Все, что случилось, стало лишь печальным эпилогом твоего отношения ко мне. Я нисколько не отрицаю своей вины.

– Твоей вины? – лицо его вытянулось от изумления.

– Да. Если бы не моя глупость, не моя наивность, – Крис отвернулась. – Я не хочу все это беречь. Все слишком тяжело. Если тебе нужно искупление, то ты напрасно стараешься, хоть я и мало верю в твоё раскаяние.

– Я понимаю. – тряхнул головой Дэниэл. – И очень сожалею. Я не прошу простить меня, потому что знаю, что это невозможно.

– Да, Дэниэл. Невозможно, – согласилась Кристина, тяжело вздохнув, и посмотрела на него без ненависти. – Столько лет прошло. Тебе лучше уйти сейчас. Я в порядке. Не волнуйся.

Он внимательно смотрел в пустые холодные глаза. Она лгала. Это было очевидно.

– Хорошо, – Дэниэл оторвался от двери. – Я пойду. Что ты будешь делать?

– В плане? – не сразу поняла Кристина.

– Останешься в Москве до оглашения завещания? – пояснил Дэниэл. Молодая женщина, сдвинув брови, недобро посмотрела в его сторону.

– Не терпится избавиться от меня? – не удержалась от издевки, но тут же взяла себя в руки. – Я останусь до девятого дня, а потом улечу в Лондон. Мне не обязательно присутствовать на оглашении завещания. Мне ничего от тебя не нужно.

– Не от меня. Кристина, – сухо напомнил Дэниэл. – Такова была воля отца. Ты же не откажешь ему в последней просьбе?

– А у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, – выдохнул Норман с какой-то непонятной грустью. – Делай, как считаешь нужным.

– Ты ни возражаешь, если я побуду в этом доме до конца недели? Или мне переехать в гостиницу?

Она успела заметить, как напряглись его челюсти, прежде чем отвела глаза. Она была совершенно сбита с толку поведением человека, разбившего ее сердце, превратившего ее жизнь в крошечный ад. Неужели у него есть совесть? Ему действительно жаль? Только какой прок от его сожалений? Они не вернут восемь долгих лет утраченной юности, бессонных ночей, и убитого ребенка.

– Это такой же твой дом, как и мой. Оставайся здесь хоть навсегда. – решительно ответил Дэниэл. – У меня квартира в центре, рядом с офисом. Не представляешь, как сложно с утра куда-то добраться. Всюду пробки.

– Я помню, – бесстрастно отозвалась Крис. – Навсегда я здесь не останусь.

Дэниэл ничего не ответил. Говорить было больше не о чем. Сняв с вешалки черное стильное пальто, он быстро накинул его и бросил на нее прощальный взгляд.

– До свидания, Кристина, – на лице Нормана мелькнула неуверенность. – Может, еще увидимся.

– Да, на оглашении.

– Возможно, в церкви или на кладбище, на девятый день.

– До свидания, Дэниэл, – холодно отрезала Кристина, поднимаясь. Кивнув, он открыл дверь и ушел.

Едва дверь закрылась за ним, женщина без сил рухнула обратно на диван. Ее колотила мелкая дрожь. Желудок сводило от бесконечных спазмов. И все же она пережила не только встречу с самым страшным кошмаром в своей жизни, но даже разговор с человеком, лишившим ее жизни. Устало закрыв глаза, она попыталась восстановить дыхание, привести в порядок хаотичные мысли.

Следующий час она потратила на горячий почти обжигающий душ. Она скребла кожу до красноты, словно это могло спасти ее от оживших страхов. Зубы ее стучали, как в ознобе, голова кружилась. Она потеряла бы сознание, если бы не Лиза, которая почувствовав неладное, ворвалась в ванную и вытащила ее из горячей воды. Бережно обтерев подружку махровым полотенцем, женщина проводила ее в спальню и уложила в постель.

– Я принесу чай, – поцеловав ее в лоб, сказала Озерова. Кристина чуть не расплакалась, чувствуя себя виноватой перед Лизой. Ей бы хотелось наконец излечиться и порадовать ее. Ей всегда что-то мешало. Какой-то сломанный механизм не желал заводиться. И его нельзя было заменить или вставить новые батарейки. Кристина понимала, что ей придется жить с этим всегда.

– Лиз, – позвала Кристина, натягивая одеяло до горла. Озерова нежно улыбнулась, присаживаясь рядом и протягивая подружке чашку с чаем. – Ты помнишь Пьера?

– Да, Крис, конечно, помню.

– Он потерял жену, двоих детей, стал калекой, но нашел в себе силы жить. Как ты думаешь, он действительно счастлив, или это такая маска?

– Нет, Пьер счастливый человек. Он – молодец.

– Почему я так не могу? – задала Кристина вопрос, который мучил ее больше всего. Лиз внимательно посмотрела в ее бледное лицо, обрамленное темными с седыми прядями волосами.

– Можно лишиться ног, рук, семьи, и ничто и никто не заменит этой потери, но даже в таком случае человек учится, приспосабливается, принимает жизнь такой, как она есть. Но, если лишаешься души, то выход только один. Найти ее, вернуть.

– Как?

– Не как, а где.

– И где же моя душа?

– Там, где ты ее оставила, – произнесла Лиза, поднимаясь на ноги. Кристина обожгла язык горячим чаем.

– И где же я ее, по-твоему, оставила? И что-то я не припоминаю, чтобы психологи заговаривали о душе. Неужели ты веришь в то, что говоришь?

– Тебе нужно, чтобы я это сказала. Ты никогда не говорила о произошедшем ни с кем. Тебе пора научиться доверять людям, быть искренней с ними. Выговорись, расскажи мне все сама. С самого начала. Станет легче, поверь.

– Нет, – отрицательно качнула головой Кристина. Лиз лишь печально улыбнулась. – Мне не станет легче, а ты итак все знаешь.

– Ты должна выплеснуть свои чувства, понимаешь? Только живые эмоции могут воскресить тебя. И я думаю, что, несмотря на то, что сейчас в твоей болезни наметился рецидив, все к лучшему. Нужно было привезти тебя раньше. Переболев все снова, ты не сгоришь, а восстанешь....

– Как птица Феникс, – усмехнулась Кристина. – Из пепла. Ты романтик, Лиз. Я нет. И нет у меня никаких чувств, ни настоящих, ни искусственных.

– Нет, не думаю. Хочешь поговорить о сегодняшнем дне?

– Нет.

– Это необходимо, милая.

– Я не хочу, – категорично тряхнула волосами Монахова.

– Ты в ярости. Это хорошо. Выплесни ее, можешь, кричать, если хочешь, но только не замыкайся, не заталкивай свою боль внутрь.

– Да, черт возьми, я в ярости. А как иначе? – глаза девушки метали молнии, она с грохотом поставила чашку на прикроватный столик, выплеснув часть содержимого. – Я ожидала совсем другого. Я думала, что ненависть испепелит меня. Что я увижу прежнего Дэниэла Нормана, таким, каким запомнила. Столько лет он был для меня страшным чудовищем, демоном из ада, и вдруг заявляет, что сожалеет, он, бл*дь, раскаивается. Я не верю ему, Лиз. Меня просто трясет от гнева. Как он смеет, вообще, говорить со мной? Он жалеет только о том, что я не умерла тогда. Именно этого он добивался. Моей смерти. Дэниэл не думал, что ему снова придется столкнуться лицом к лицу со своей жертвой. Он похоронил меня восемь лет, но я осмелилась воскреснуть. Я жива, Лиз, и именно об этом неприятном факте Дэниэл Норман жалеет больше всего.

– Ты не права, Кристина. Я тоже ожидала увидеть бесчувственного монстра, но увидела обычного человека, который много и часто ошибался в своей жизни.

– Лиз, как ты не понимаешь? – слепящий глаза гнев в одночасье обернулся отчаянной грустью. – Я была девочкой. Маленькой наивной девочкой. Я так его любила. Я готова была простить ему все, а он отдал меня на растерзание своей своре, обожравшись наркотой. Мне

только исполнилось восемнадцать. Я так мало знала о жизни, о жестокости, презрении, слепой ярости, болезненном упрямстве. В то время как другие девушки только учатся жить, я училась умирать. С каждым днем, с каждым вздохом. Без причины, без объяснений. Просто потому что, он хотел наказать мою мать за то, что посмела стать хозяйкой империи Норманов, просто потому, что боялся потерять свое чертово наследство. Будто деньги могут значить больше, чем человеческая жизнь. Испорченный, избалованный, привыкший все делать по-своему, он сделал меня грушей для битья. Всю свою ярость и недовольство излил на молоденькую девушку, которая даже не догадывалась, какой дьявол правит его душой.

– У тебя есть весомые причины для ненависти. – согласилась Лиза, отводя глаза. – Но ненависть – не выход. Ты ничего не изменишь и не сможешь себе, если будешь изводить себя страшными воспоминаниями.

Глава 5

Дни тянулись мучительно медленно. Кристина старательно носила маску внешнего спокойствия и усиленно работала над собой. В одну из трех ночей она смогла заснуть без сновидений, а Лиза, в свою очередь, делала все, чтобы отвлечь подругу от тяжелых мыслей и воспоминаний. Днем они бродили по городу, тратя деньги в бутиках и салонах красоты. Озерова заставила Кристину покрасить волосы, чтобы избавиться от старивших ее седых прядей. Потом, облачившись в обновки, купленные днем, подруги направлялись в кино, а после ужина в ресторане, шокируя посетителей своим внезапно-гламурным обликом.

Иногда Лиза замечала, как хохочущая до упада Кристина вдруг замыкалась, глаза ее застилала пелена, и она словно мысленно ускользала куда-то очень далеко. Никакие уговоры не могли заставить рассказать, где она бывает в такие моменты. Лиза понимала, что Кристине нужно немного больше времени. Девушка только что потеряла мать. Нет ничего удивительного в том, что она тоскует о ней.

Огромное количество времени Кристина тратила на телефонные переговоры со своим агентом в Лондоне, который организовывал выставки девушки. Самая последняя, состоявшаяся в Дрездене полгода назад имела колоссальный успех. Критики выделяли девушку среди молодых современных художников и прочили большое будущее.

В отличие от Кристины, Лиза прекрасно понимала причины популярности картин подруги. Скупая на эмоции Кристина выливали всю свою нерастраченную страсть, а иногда и злость в свои работы. И сколь бесстрастной была Монахова, столь чувственны были ее работы, в них горела сама жизнь, та, которой лишала себя художница. Лиза видела ее юношеские работы десятилетней давности, и они разительно от тех, что она творила сейчас. Удивительно и отчасти кощунственно, но именно трагедии, произошедшая с ней, Кристина была обязана своему успеху.

Почти все картины Кристины Монаховой уходили в лет, и по хорошей цене. С каждой ежегодной выставки девушка оставляла себе только одну картину. Восемь лет. Восемь работ. И на каждой тайная исповедь, боль и отчаяние. На каждой мужчина. Нет, она не пыталась рассказать миру о том, что случилось с ней, она делала это для себя. До малейшей подробности отражая внешность насильников, безумную злобу на их лицах, Кристина надеялась, что, обличив свою ярость в краски, она, найдет, наконец, успокоение. Все виновники были обличены в ее работах. Все, кроме одного. Того, кто был в каждой картине безмолвной темной тенью в углу. Любители ее творчества терялись в догадках, пытаясь найти объяснение этой странной серийности непроданных полотен. Напрасно они вглядывались в неумолимый темный силуэт мужчины на заднем фоне, пытаясь разглядеть его черты и разгадать, наконец, загадку художника. На последней своей выставке Кристина позволила разглядеть только руку, покоящуюся на рукоятке кресла. Руку с тонким обручальным кольцом.

Лизе не раз доводилось наблюдать, как невольный озноб пробирает людей, бросающих любопытные шокированные взгляды на эти ее полотна. У Кристины получалось, как нельзя лучше отразить в работах свою израненную душу. Ни один нормальный человек не мог не ощущать могильного холода и душераздирающего крика разбитого сердца, исходящих от полотен. И даже, если бы художница решилась их продать, не нашлось бы желающих приобрести.

Через полгода запланирована новая выставка, и несколько картин уже готовы. Лиза невольно ждала еще одну странную работу, гадая, решится ли Кристина на последний шаг, и принесет ли ей это долгожданное облегчение.

Как бы ни боялась Кристина новой встречи с Дэниэлом, она все же состоялась. Как и он предвидел – на девятый день, на кладбище.

Подруги об руку шли между могилами, пока Кристина не замерла, заметив бывшего мужа. Он стоял перед памятником отцу, сунув руки в карманы пальто. Шел снег. Крупные хлопья падали на его черные опущенные до плеч волосы. Дэниэл не видел приближающихся женщин и казался очень замерзшим. Еще бы. Выпендриться в фирменные кроссовки в такой мороз. Подозрение, что Дэниэл специально поджидал тут ей, караулил, искал встречи застало Кристину врасплох, напугало до чертиков. Она готова была развернуться и броситься наутек, но Лиз удержала от столь глупой выходки.

– Здесь вы не враги, – тихо шепнула Лиза, сжимая руку Кристины и почти волоком таща ее к могилам Норманов. Снег под ногами трещал, но Кристина не слышала ничего кроме пульсирующих толчков в висках. Из-за снежных туч вышло солнце и ударило по глазам. Зажмурившись, Кристина запнулась и чуть не полетела в снег, но Лиза, как всегда, оказалась под рукой.

Оторвавшись от своих мыслей, Дэниэл поднял голову. Синие непроницаемые глаза словно прилипли к лицу Кристины. В свете солнечных лучей они казались неестественно яркими. Она невольно вспомнила совсем другое время, и то, что могли сделать с ее сердцем эти непостижимо-красивые глаза. Как все это далеко и неправда. Восемь лет назад она могла бы убить его, выйти из тюрьмы и сейчас стоять на его могиле. Но вернула бы ей его смерть счастье, надежду, любовь, свет и слезы? Уменьшило бы боль и отвращение? Глядя сейчас в небесно-синие глаза, она почти не верила, что он сотворил с ней ужасающее по своей жесткости преступление.

Вежливое недоумение в его глазах сменилось напряженной улыбкой.

– Я опять тебя не узнал. Ты просто мастер перевоплощений, – Вместо приветствия произнес он. Кристина замерла в трех шагах от него, как раз рядом с могилой матери. Каждый из них скорбел по своему близкому человеку.

– Зато ты не меняешься, – резко ответила Кристина. Дэниэл нахмурил брови и перевел взгляд на сдержанно улыбающуюся спутницу грубиянки. – Доброе утро, Лиза.

– Привет, Дэниэл, – вполне дружелюбно ответила Озерова, протянув ему руку для пожатия. – Как ваши дела?

– Не очень. Мы же на кладбище, – не без иронии ответил Норман. Кристина бросила на подругу укоризненный взгляд.

– Понимаю, – мягко отозвалась Лиза. – Я забыла, как тяжело терять близких. Мама умерла, когда мне был восемь, а отца я убила.

Брови Дэниэла поползли вверх. Похоже, даже он потерял дар речи.

– Не переживайте, я сделала это непреднамеренно. Самооборона. Меня даже не судили. Мне было тринадцать лет.

– Да уж. А я-то думал, что у меня странная жизнь, – выдохнул Дэниэл, во все глаза, глядя на маленькую блондинку.

– Не берите в голову. Каждый получает то, что заслуживает, – тон ее был двусмысленным. И судя по тому, как заиграли желваки на лице Дэниэла Нормана, стрела попала в цель. В отличие от него, Кристину не удивляла шокирующая откровенность подруги. Она уже привыкла к ее выходкам. Лиз опять играла в психолога. Сейчас она выбрала тактику погружения клиента в легкий шок, чтобы вызвать у него нужные ей эмоции, которые впоследствии собиралась разложить по полочкам. Дэниэл даже не подозревал, что стал объектом исследований. Так тебе и надо, – злорадничала про себя Монахова.

Все вдруг замолчали. Напряжение росло. Кристина украдкой бросила взгляд на Дэниэла, но тут же отвела глаза, заметив, что он тоже украдкой разглядывает ее. Молодая женщина расправила плечи, осознавая, что выглядит отлично. Его избалованному взгляду не к чему придраться. Дурнушкой Кристина Монахова никогда не была. Внимание мужчин являлось для женщины тяжким бременем. Ей нечего было предложить им, кроме пустого сердца и презрения ко всему сильному полу.

– Не передумала уезжать? – первым нарушил тишину Дэниэл. Кристина безразлично повела плечами.

– Мне необходимо уехать, – отчеканила она. – У меня работа в Лондоне.

– Я знаю, что ты продолжила заниматься живописью. Вика много рассказывала о твоих выставках. Она гордилась тобой, – опустив взгляд на мраморное изваяние памятника, произнес Дэниэл отстраненным голосом. Боль стальным обручем сжала ее сердце. Мама никогда не рассказывала ей, что...

Кристина резко отвернулась, чтобы он не увидел смятения на ее лице. Мама говорила с ним? Рассказывала о ней? Как она могла? Все это время, пока она заживо хоронила себя в туманном холодном городе, они, оказывается, за чаем в тесном семейном кругу говорили о ней? Не в силах переварить все это, Кристина побежала прочь, вилля между неровными рядами могил. Даже Лиза не ожидала такой реакции.

– Что я такого сказал? – растерянно уставился на Озерову Дэниэл Норман.

– Вика не говорила ей, что вы общались после того, что случилось. Кристина, вообще, никогда о тебе не говорила. Ни с кем, включая мать. Кристина думала, что Виктория разделяет и понимает ее чувства, – женщина смерила его долгим оценивающим взглядом. – Можно, задать один вопрос, Дэниэл?

Он посмотрел в глаза маленькой, но храброй женщине, которая, казалось, видела его насквозь.

– Зачем я это сделал? – попытался угадать он. Лизе не понравился сарказм в его голосе. Он неискренен сейчас. Как и Кристина, Норман носил маску, за которой прятал настоящие чувства, если они, конечно, у него есть. Пока Озеровой не удалось его разгадать. Пока....

– Нет, не угадали. Боюсь, вы еще сами себе не готовы ответить на этот вопрос, – Лиз посмотрела вслед Кристине, которая почти пропала из поля зрения. – Что вы хотите сейчас, Дэниэл?

– Не знаю, – пожал плечами Норман. – Может быть, прощения.

– Вы думаете, что оно возможно? – сухо поинтересовалась Лиз. – И, если на долю секунды представить, что Кристина все же простила вас. Что это даст вам, Дэниэл? Вы простили себя?

– Нет, и вряд ли когда-то смогу, – на этот раз ответ прозвучал абсолютно искренно.

– Уверена, что вы не лжете, – удовлетворенно кивнула Лиза. – А теперь догоняйте ее. Заставьте Кристину принять ваше существование, смириться с ним. Только ради Бога не пытайтесь обольстить, второй раз это не сработает. Вы только испугаете ее.

– Зачем вы помогаете мне? – изумился Дэниэл, краем глаза следя за передвижениями Кристины.

– Не вам, Дэниэл. А ей, – сдержанно поправила Лиза.

– Вы такой хороший друг? – снова ирония в его голосе неприятно резанула слух. Дэниэл Норман еще далек от того человека, который смог бы стать полноценной ячейкой общества.

– Не совсем, – не сразу ответила Лиза. – Не совсем друг.

Дэниэл прищурился, оценивающе разглядывая невысокую блондинку, смело смотрящую ему прямо в глаза. Похоже, эта женщина ничего не боится. С чего, интересно, она взяла, что он собирается бежать за Кристиной? Дураку понятно, что она даже говорить с ним не захочет. А дураком Дэниэл Норман чувствовать себя не привык. Ну, да ладно, попытка не пытка.

Кристина поскользнувшись, снова чуть не упала. Она устала. Бег привел ее мысли в порядок. Она прислонилась спиной к толстому обледеневшему стволу дуба и пыталась восстановить дыхание. Холодный воздух обжигал легкие. Закашлявшись, девушка закрыла рот пушистой варежкой. Почувствовав чью-то руку на своем плече, она нервно вздрогнула и обернулась. Синие глаза смотрели на нее с сочувствием. Так близко, что она задохнулась. Желудок болезненно сжался.

– Нет, не прикасайся, – закричала она, отскакивая в сторону, но было уже поздно. Внутренности свело судорогой. Отбежав еще на несколько шагов вперед, женщина упала на колени. Ее снова рвало. Господи, а она-то надеялась, что справиться. Стоило Дэниэлу дотронуться до нее, и вся ее многолетняя работа над собой полетела к черту.

Дэниэл растерянно наблюдал за сжавшейся фигуркой. Неужели это из-за него? Ее от него тошнит? Норман почувствовал, как краска ударила ему в лицо. Никогда еще он не казался себе таким омерзительным. Животное, это ты с ней сделал. Необходимо что-то сказать или уйти, но он не мог двинуться с места и дар речи не возвращался. Снег мокрыми гроздьями сыпал с неба, ветер нещадно бил в лицо. Но он не чувствовал холода.

Омыв рот снегом, Кристина поднялась с колен. Ее трясло от слабости. Боже, сделай так, чтобы я обернулась, а его не было, молила она про себя. Но Бог сегодня был к ней немилосерден, как, впрочем, и всегда.

– Никогда не трогай меня, – пробормотала она безжизненным тоном. – Никогда. Понял?

– Да, как тут не понять, – натянуто отозвался он. – Я могу чем-то помочь?

– Ты уже помог, – жестко произнесла Кристина. – В свое время.

– Пойдем куда-нибудь. Тебе нужно поесть, – неожиданно для самого себя предложил Дэниэл. Кристина часто заморгала, вытирая подтеки туши под глазами.

– Это плохая идея, – наконец, выдавила она.

– Ты не хочешь есть? Или не хочешь идти со мной?

– Я никогда не хочу есть, Дэниэл. И тем более, с тобой. Я ответила на твой вопрос?

– Ты боишься меня? – это был вызов. Он пытался схитрить. Да, таким его Кристина помнила. Стало даже легче.

– Только не теперь, – уверенно покачала головой она. – Просто не вижу смысла.

– Мы должны что-то сделать с этим, – заявил Дэниэл. Самонадеянный улюдок.

– С чем?

– С твоим недугом. Мне не очень-то нравится, что из-за меня тошнит женщину. – Дэниэл улыбнулся уголками губ. – Удар по самолюбию.

– А мне плевать на твое самолюбие. И, вообще, у тебя его никогда не было мужского самолюбия.

– Брось, Кристина. Просто пообедаем вместе и все. Никому от этого хуже не станет, – настаивал Дэниэл. Забывшись, он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но по расширившимся от ужаса глазам, понял, что делать этого не стоит. – Прости. Пойдем?

– Что тебе нужно? – в лоб спросила Кристина, пристально глядя ему в глаза.

– Точно такой вопрос мне задала твоя подруга несколько минут назад, – усмехнулся Дэниэл. Кристина смотрела на его длинные ресницы. Почему он не стал менее красивым? Не постарел, не располнел, не облысел? Как внешность порой не совпадает с внутренним миром человека. Если бы она поняла это раньше, то многих трагедий удалось бы избежать.

– И что ты ответил? – тихо спросила она.

– Спросишь у нее сама, – пожал плечами Дэниэл.

– Мы не говорим о тебе. Я не говорю о тебе. Но ей бы хотелось. Лиз думает, что нужно взглянуть в лицо страху, чтобы справиться с ним.

– Но не только Лиза такая умная. Это всем известно, – с сарказмом заметил Норман. Кристина спрятала руки в рукава шубы. – А твой страх – это я?

– Нет. Ошибаешься. Я давно не боюсь тебя.

– И никогда не боялась, – добавил он, глядя ей в глаза. Девушка судорожно сглотнула.

" *Я умираю, Дэниэл. Вызови врача. Пожалуйста, вызови*". Кристина потрянула головой отгоняя кошмарное воспоминание. Нет, она не боялась его. Даже тогда. Даже, когда он безжалостно хлестал ее по щекам, рассердившись из-за какого-нибудь пустяка. Даже, когда наматывая ее волосы на кулак, волок через весь дом в спальню. В такие моменты девушка закрывала

глаза и вспоминала другого Дэниэла. Дэниэла, которого она узнала в двенадцать лет. Красивого, уверенного в себе, безумно обаятельного, веселого. Кристина не заметила, когда произошла перемена, и существовал ли вообще тот Дэниэл, которого себе нафантазировала малолетняя дурочка. Она упустила момент, когда стала для него способом уязвить мачеху и отца, и долгие месяцы ждала, когда он вернется. Обаятельный и внимательный Дэниэл. Он не вернулся. Его никогда не было. Иногда Крис казалось, что это она создала чудовище, она вызвала зверя, прощая и позволяя ему слишком многое.

Ей больше не обмануть себя. Каждый раз, когда Крис будет смотреть в его непроницаемые глаза, перед ней будет всплывать та комната, возбужденный хохот мужчин, ледяной холод металла на запястьях, и склонившееся над ней лицо мужа с безумным отсутствующим взглядом, зажавшего в пальцах перед ее носом ключи от наручников.

"Как ты мог, Дэниэл, как же ты мог?" – кричала ее душа долгие восемь лет. Он не ответит ей на этот вопрос, потому что она никогда не спросит. А ведь она до последнего надеялась, что ее непутёвый муж одумается, что он очередной раз пытался испугать ее. Крис помнила, как смотрела ему в глаза, глазами, полными недоверия, ужаса, обиды, как билась в своих оковах, словно раненое животное. Да, она понимала, что Дэниэл не контролировал себя, находясь под воздействием запрещённых препаратов, смешанных с литрами алкоголя. Он вряд ли что-то запомнил из событий, которые необратимо изменили ее, разрезав жизнь на две половины. Если бы Кристина могла стереть свою память... Она хотела забыть, но не могла. Боль, ужас, отчаяние, шок, кровь, смерть... так близко, что чувствовала ее зловонное дыхание на своем лице.

Это были последние в ее жизни эмоции.

Дэниэл Норман больше ничего не сможет ей сделать. Она его больше не боится.

Закусив губу, Кристина опустила глаза.

– Пойдем, – согласно кивнула она. – От меня не убудет.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся Дэниэл. Они шли рядом и молчали. Его автомобиль был припаркован на стоянке возле кладбища.

– Тебе подходит, – задумчиво пробормотала она, проводя рукой по холодному металлу.

– Что? – переспросил Дэниэл.

– Красивая машина, – пояснила Кристина, открывая дверцу Лексуса.

– Это комплимент? – их взгляды встретились. Кристина попыталась выдавить равнодушную улыбку.

– Нет, констатация факта, – сказала она, садясь на переднее сиденье.

– И все равно спасибо, – он сел рядом и завел двигатель. – Ты тоже прекрасно выглядишь.

– Я говорила о машине, – девушка уставилась в окно.

– А я о тебе.

Всю дорогу Кристина корила себя за глупость. Как ему удалось уговорить ее поехать с ним? Было бы так легко отказаться и поехать домой. Завтра она улетит в Лондон, а потом увидит его только через три недели.

Господи, как же все сложно. Еще несколько дней назад ее мучило от сознания, что ей приходится дышать с ним одним воздухом, и вот она едет с ним обедать, словно они закадычные друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Она сошла с ума, раз снова позволяет манипулировать собой. Ярость в ее душе боролась со здравым смыслом. Одна часть ее жаждала мести, мечтала разодрать ногтями его смазливую физиономию, а другая хотела освободиться от ненависти и боли.

Дэниэл выбрал тихое немногочисленное кафе, чем несказанно удивил ее. Она и представить не могла, что ему могут нравиться столь скромные заведения. Она помнила, как Дэниэл ночи напролет пропадал в клубах. Развлечения, женщины, наркотики, алкоголь – это, все, что интересовало Дэниэла Нормана в двадцать четыре года.

Возможно, Лиза права и время меняет людей. Кристина посмотрела на него поверх меню. Сдержанное красивое лицо, чувственные губы, сосредоточенный взгляд, уверенная осанка. Внешне он стал еще привлекательнее. Это чертовски несправедливо.

Пока Дэниэл тщательно изучал меню, она изучала его, пытаясь найти фальш в его поведении. К столику подкатила шикарная длинноногая блондинка. Неужели все официантки одинаковы? Любезная улыбочка, невероятное декольте, короткая юбка. Ее заинтересованный взгляд остановился на Дэниэле. Знакомая ситуация. Встав напротив него так, что, подняв голову, его глаза непременно оказались бы напротив ее внушительного бюста, она сказала стандартную фразу. Голос у девушки был под стать груди. Чувственный, глубокий, сексуальный. Кристина невольно скользнула по ней оценивающим взглядом.

– Вы готовы сделать заказ? – повторила девушка, не дождавшись ответа. Дэниэл рассеянно посмотрел на Кристину, игнорируя официантку.

– Ты определилась? – мягко спросил он. Кристина, прищурился глаза, наблюдала за ним. Он, что серьезно не замечает великолепную грудь прямо у него под носом? Или просто держится своей роли?

– Я буду мороженое и сок. – вымученно улыбнувшись секс-бомбе, сообщила Кристина. Дэниэл нервно кашлянул.

– Мороженое? В такой мороз? Давай, хотя бы кофе и пирожное?

– Хорошо, добавьте к заказу еще кофе и бисквит.

Кристина, как замороженная, продолжала улыбаться официантке, пока Дэниэл диктовал свой заказ. На девушку он все же взглянул, но скорее, раздраженно, нежели с интересом. Когда она отправилась с заказом на кухню, Кристина, наконец, перевела взгляд на своего спутника. Он, в свою очередь, наблюдал за ней. Причем с откровенным беспокойством.

– Что-то не так? – уточнила Кристина.

– Да. Ты пялилась на эту шлюху, словно вы сто лет знакомы.

Улыбка сползла с лица Монаховой.

– Нет, это ты, похоже, с ней сто лет знаком, чтобы знать такие подробности о ее моральном облике, – резко произнесла девушка, доставая сигареты из сумочки.

– Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что собой представляет эта девица.

– Смотрю, ты так и не научился относиться к женщинам с уважением.

– Женщина женщине рознь, – безапелляционно заявил Дэниэл. Что ж, он имеет право на свое мнение. Тем более, что Норман не далек от правды, хотя внешне девушка очень хороша.

– Я сама, – отрезала Кристина, когда он потянулся к ней с зажигалкой. Он сжал челюсти, но промолчал. Мудрое решение, Дэниэл.

– Что имела в виду Лиза, когда сказала, что она тебе не просто друг? – спросил он, пронзая ее своими синими глазами. Если Кристина и смутилась, то виду не подала. Ему никогда не понять своим скудным извращенным умом всю глубину их отношений с Лизой.

– А как тебя это касается? – надменно поинтересовалась Монахова, выпуская струйку дыма ему в лицо. Она понимала, что ведет себя вызывающе, но остановиться не могла. Лиза бы сказала, что это стандартная реакция на нервное напряжение. Нападение – лучшая защита.

– Это простой вопрос, – он не сводил с нее изучающего взгляда. – Я любопытен.

– Извини, но у меня нет никакого желания удовлетворять твоё любопытство, – Кристина улыбнулась, довольная собой. Дэниэл пожал плечами, давая ей понять, что тема ему больше не интересна.

– Ты раньше не курила, – заметил он.

– Я много чего раньше не делала, – смешок, вырвавшийся из ее губ, прозвучал крайне непристойно. Она не знала, в чем пытается убедить его.

Дэниэл отвел взгляд и снова решил сменить тему.

– Может, выпьем вина? Я оставлю машину здесь, возьму такси.

– А есть повод?

– Почему ты все время отвечаешь вопросом на вопрос? Это просто дурацкая привычка, или ты пытаешься таким образом показать свое превосходство?

– Ответ сам. Ты же умный, – снисходительно разрешила Кристина.

– Черт! – выругался Дэниэл, проведя рукой по блестящим черным волосам. Он даже не пытался скрыть свое раздражение. – Я не позволю тебе спровоцировать ссору, – неожиданно спокойно сказал он.

– Я и не хочу ругаться, – заверила его Кристина. – Ты просто привык к другому отношению к своей персоне. Не я настаивала на совместном обеде.

– Сдаюсь, – Дэниэл поднял руки в знак капитуляции. – Говори, что хочешь.

– Так просто? – Кристина удивленно вздернула бровь. Ее глаза потемнели от гнева, когда она заметила его взгляд на своих губах.

– Не смотри на меня так, – приказала она.

– Как? – невозмутимо уточнил Дэниэл.

– Никак. Ты меня понял, – мрачно отозвалась Крис, смерив его ледяным взглядом.

– Ладно, я не буду смотреть, не буду трогать. Довольна?

– Да.

– Что я еще могу сделать для тебя? – простой вопрос, но Кристина вдруг растерялась. Сердце предательски дрогнуло, и она снова разозлилась.

– Дэниэл, не пытайся задобрить меня. Не выйдет, – с холодной сдержанностью отчеканила она, выговаривая каждое слово. – Я не верю в твоё раскаяние. Такие, как ты не меняются. Но я не собираюсь все время твердить тебе, что ты мерзкое презренное чудовище, сломавшее мою жизнь. Слишком много лет прошло. Что сделано, то сделано. Говорить больше не о чем.

Она замолкла, пепел с ее сигареты упал прямо на скатерть. Дэниэл бросил на нее взгляд из-под длинных ресниц.

– Тебе ничего не нужно твердить. Я и так знаю, кто я, и что сделал. Крис, я же ничего не отрицаю, – он наклонился вперед. Ошеломленная девушка резко отпрянула, вжавшись в спинку стула. – Выскажи мне все. Ударь меня, если хочешь. Только не пытайся обмануть. Ты никогда не умела этого делать. Пойми, я чудовище, но человеческое чудовище, и у меня есть совесть. Я знаю, как непоправимо то зло, что я сотворил, никогда не прощу себе этого. И мой отец не простил, и твоя мать тоже. И тебя я не прошу простить. Я сам не знаю, что хочу сказать тебе. У тебя есть хотя бы ненависть. Есть виновник. Ты ни в чем не виновата. Злодей я. И как, скажи, мне жить с этим?

– Так же, как жил все эти годы. Преуспевая и получая удовольствие от каждой минуты, – Кристина потянулась за новой сигаретой. Необходимо сменить тему. Эта была слишком опасна для ее психического состояния.

– Откуда ты можешь знать, как я жил? – спросил он. – Ты тоже не бедствовала. Получила образование не где-нибудь, а в Лондоне, стала известной художницей, купила квартиру, даже обзавелась «не просто подругой». Так почему я должен был пропасть в небытие?

– Ты ничего мне не должен, ровно, как и я тебе, – холодно ответила Кристина, бесстрастно глядя на него.

– Нет, должен. Я должен тебе целую жизнь, – проговорил Дэниэл. – Я должен тебе больше, чем могу отдать. Скажи, Кристина, как я могу искупить свой грех?

– Не смей.... – Кристина сморгнула набежавшие на глаза слезы. Господи, после стольких лет он несколькими словами довел ее до слез. – Иди к черту, Дэн. Иди ты к черту!

Он не успел опомниться, как она вскочила и, схватив шубу, рванула к выходу. Догонять ее не имело никакого смысла. Дэниэл сказал все, что хотел. Легче не стало, но он попытался.

– Ваша девушка ушла? – спросила подоспевшая с заказом официантка, широко улыбаясь.

– Она не моя девушка, – ответил Дэниэл, не глядя на девицу.

- Понятно, – просияла девушка.
- Ничего тебе не понятно, – грубо ответил Дэниэл и, расплатившись по счету, тоже покинул заведение.

Глава 6

– Что случилось, Дэн? Ты в последнее время сам не свой. Проблемы на работе? – без аппетита ковыряясь вилкой в салате, спросила Мэдисон у племянника, хранящего задумчивое отстраненное выражение лица на протяжении всего ужина. Таким Дэн был на протяжении последних трех недель, с тех самых пор, как в Москве появилась его бывшая жена. Мэдисон искала тысячи объяснений поведению Дэниэла и не могла найти. Ей было трудно поверить, что у него внезапно проснулась совесть, стоило ему пару раз посмотреть на Кристину. Дэниэл являл собой олицетворение современного бизнесмена, жесткого, сдержанного, умеющего с легкостью играть людьми. Он брал от жизни, все, и иногда без спроса.

– Дэниэл, ты меня слышишь? Я задала вопрос.

– Слышу, Мэд, просто задумался. Как, кстати, Инфинити? – наконец, проснулся Норман. Мэдисон облегченно вздохнула.

– Отлично. Я в восторге. Спасибо.

– Пользуйся, пока я добрый, – небрежно пожал плечами Дэниэл, поднося к губам бокал с вином. Приятный аромат щекотал ноздри, оставляя легкое чувство тепла и возбуждения. Совершенно привычно его взгляд лениво скользнул по собравшимся в ресторане девушкам. Каждая из них с удовольствием ушла бы с ним. От понимания собственной вседозволенности, становилось скучно. Он прекрасно знал цену женского интереса, и его причину.

– Как поживает твой муженек? Голова не болит? – со смешком спросил Дэниэл. Мэдисон приподняла брови в притворном недоумении.

– А почему у него должна голова болеть?

– Ну, как же. Такие рога! Я бы давно слег от тяжести.

– У тебя их никогда не будет, – парировала Мэдисон.

– Я не так уверен. От вас, прелестные женщины, можно ожидать чего угодно, – усмехнулся Дэниэл.

– Кстати, о женщинах. Что-то я давно не видела Соню.

– Она на съемках в Милане.

– Соня – красавица. – Мэдисон ослепительно улыбнулась.

– Да. – Подтвердил Норман равнодушно, наслаждаясь ароматом дорогого вина.

– И она ведущая модель агентства.

– И она спит со своим фотографом, – Дэниэл насмешливо наблюдал, как бледнеет лицо тети. – Что ты там говорила о рогах?

– Любая женщина нуждается во внимании. Ты слишком редко с ней видишься, она – живой человек.

– Мэд, я не ханжа. Сейчас все так живут. Никаких привязанностей. Главное в отношениях – удобство и выгода. Ей выгодно мое внимание, мне.... А какая, кстати, мне выгода от тупой блондинки?

– Красивое дополнение на светских раутах, – выдвинула свой вариант Мэдисон.

– Точно! – ухмыльнулся Дэниэл. – Ладно, закрыли тему. Как дела в издательстве?

– Журнал теряет рейтинг. Издательству нужна сильная рука и свежий взгляд. Так говорит Роберт. Он отличный исполнитель, но не управляющий.

– Я не могу ничего сделать, пока не будет оглашено завещание.

– Это лишь формальности, и совет акционеров это понимает.

– Грядет кризис. Редакции, возможно, придется сократить штат.

– Кризис не должен коснуться журнала. Ты же знаешь, что его читатели вряд ли попадут под колеса финансового кризиса.

– Да, просто потеряют миллион, другой, а с горя пойдут в журнальный киоск и купят гламурный глянцевого журнал. – Усмехнулся Дэниэл, прикуривая от свечи сигарету.

– "Блонд" – женский журнал, а женщины денег не считают, – Оспорила Мэдисон. Дэниэл даже подумал, что у его тетки получилось бы управлять крупным издательским домом Норманов. Но он знал, что этой ее мечте не суждено сбыться. Джон никогда бы не допустил Мэд до дела своей жизни. – Ты не забудь, что оглашение завещания будет в пятницу в три часа дня.

– Ты не дашь забыть. Кристину поставили в известность?

– Не вижу в этом смысла, но адвокат ей позвонил, – Сморщив аккуратный носик, ответила Мэдисон.

– Зря ты так уверена, что отец забыл о ней, – произнес Норман. Женщина настороженно посмотрела в синие льдистые глаза.

– Ты что-то знаешь? Он сказал тебе?

– Потерпи, дорогая, осталось четыре дня, – ответил Дэниэл, всем своим видом показывая, что больше она ни слова не услышит о завещании до пятницы.

Глава 7

Кристина все эти две недели работала, как проклятая. И днем, и ночью, без перерыва на обед, и ужин. Только завтрак, который заставляла ее съесть Лиза, и сон – не больше четырех часов в стуки. В итоге она похудела еще сильнее, во взгляде появилось выражение полной отрешенности от реального мира. Только она, ее студия, в которой творились шедевры и рвущийся на бумагу талант. Никаких мыслей, никаких разговоров по душам с подругой-психологом.

Лиз с растущей тревогой узнавала опасные симптомы. Обычно Кристина уходила в работу, когда хотела забыться, спрятаться и раствориться в своей работе. Подобные погружения происходили довольно часто. И именно в такие дни из-под руки Кристины Монаховой выходили самые продаваемые работы. И именно в такие дни Крис нуждалась в круглосуточном наблюдении и контроле. Лиз старалась находится поблизости. Студия располагалась как раз над квартирой, в которой они жили вместе уже шесть лет, и следить за состоянием Кристины было необременительно, но у Лиз, разумеется, имелись и собственные дела, другие клиенты, нуждающиеся в помощи.

Заходя в студию утром и вечером, Озерова невольно ожидала увидеть наброски девятого, заключительного полотна из мрачной серии. Но оно не появлялось. Наоборот, все работы Кристины были полны света и радости. Но Лиз знала, что обычно подруга выбрасывала на полотна прямо противоположные эмоции. А это означало, что на самом деле в душе девушки темно и холодно. Сейчас Лиза была бессильна ей помочь. Кристина должна излечить себя сама. Теперь все зависит от нее. Лиз видела достаточно, чтобы понять это.

– Крис,пустишь меня? – стук в стеклянную дверь студии не донесся до слуха Кристины. Она работала в наушниках. Классическая музыка помогала сконцентрироваться, настроится на волну вдохновения. Она заметила вошедшего агента только, когда он встал прямо перед ней, и, протянув руки, снял с девушки наушники. Часто заморгав, Кристина раздраженно уставилась на Вуда Адамса. Засунув руки в карманы узких голубых джинсов, он с легкой улыбкой, в свою очередь, смотрел на нее. Кристина нахмурилась, скользнув по его лицу непонимающим взглядом. Чего уставился?

– Что? – спросила она, поправляя съехавший набок хвост. Не говоря ни слова, Вуд достал из кармана платок и провел кончиком по ее щекам, а потом вручил ей.

– Господи, это я такая грязная? – взглянув на платок, воскликнула Кристина, заливаясь краской.

– Да, и губы синие. Ты тушью работаешь или краску пьешь? – рассмеялся Вуд низким хриловатым смехом. Он был единственным мужчиной в мире, который ее не очень сильно напрягал, хоть Крис и догадывалась, что Вуд не прочь бы затащить ее в постель. Однако ее сомнительная ориентация охлаждала пыл мужчины. Вуд старомоден в некоторых вопросах, и настоящий верующий католик. Кристина знакома с его родителями, прекрасными людьми, которые уверены, что между их сыном и его подопечной романтические отношения. Вуд просил ее не рассеивать их подозрения, так, как родители непременно начали бы поиск невест. Было очень весело подыгрывать ему на маленьких семейных праздниках, на которые ее частенько приглашали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.